

P & S - агентство
"пережить смерть"

СОДЕРЖИТ

НЕЦЕНЗУРНОЕ

СРМВ

18+

ДИОН/МАРК

КИНО ПЕРВОЕ

Annotation

Агентство P&S: Ваша душа беспокойна за пропавшего без вести человека и вы не находите себе места? Возможно, мы сможем вам помочь! Мы предлагаем окунуться в сверхъестественный мир за ответами на ваши вопросы. У нас нет расценок или ставок, мы берём столько, сколько вам не жалко. Мир вашему дому! Содержит нецензурную брань.

Пролог

...Из живота торчала рукоятка ножа, боли не было, лишь легкое онемение и неприятное чувство инородного предмета внутри. Ну, и еще кровь текла между пальцев – я пытался руками зажать рану вокруг лезвия, но безрезультатно. Силы я терял с каждым пройденным шагом, дикая усталость настигала меня, но я знал, надо было выйти из леса как можно быстрее. Первый снежок крупными хлопьями падал с неба на листву, под ноги. Куда идти, я не понимал – тропа была уже припорошена. Я просто шёл сквозь засохшие заросли, вперед, понимая, что если упаду, то не встану.

Всё! Ноги подкосились. В глазах кружилось, а ступни сковали стокилограммовые кандалы... Идти я больше не мог и упал на кучу пожухлой листвы. Было приятно и спокойно. Одна снежинка удобно устроилась на моей ресничке и красиво преобразила последнюю картину осеннего леса. Нежные оголённые березки прощаются со мной, и я им улыбаюсь. Эх, Тёма, любимый мой Тёма, как там ты без меня будешь... надо же, и совсем не страшно...

Приход! В легких не хватает воздуха, и я, с голодным придохом, хватаю ртом кислород. В висках стучит, и я чувствую, как мой организм насыщается жизнью.

– Уфффффф! – почти всегда, я исторгаю этот неприятный звук, когда прихожу в себя. Спина мокрая, я чувствую, как несколько капель скатываются по позвонку, в сторону поясницы. В руках у меня зажаты кожаные перчатки, я на них смотрю, не понимая еще, что происходит.

– Сергей Владимирович! Вы как? – услышал я смутно знакомый голос. Сфокусировав свою «визуалку», я увидел перед собой Антоху, моего секретаря, по совместительству, водителя, и, если честно, ещё и бухгалтера.... Совесть моя немного неспокойна, плачу-то ему только одну зарплату.

– Антон, всё нормально, – пробормотал я, хватая протянутое полотенце и вытирая лицо от пота.

– Ну? Сергей Владимирович, ну? – ага, клиенты здесь. Я повернулся на своем крутящемся кресле в их сторону. Мужчина лет пятидесяти, совершенно седой, но фигура моложавая, с трудом сдерживает свои эмоции. Женщина его возраста, немного в теле, но довольно приятная на лицо. Оба смотрят на меня с надеждой.

– Контакт был! – уверенность в моих словах придала надежды им, они посмотрели друг на друга. Горько, очень горько было на них смотреть, они-то не знают, что если «контакт» произошел, то для них, почти всегда, ничего хорошего это не несёт, поэтому я продолжил. – Его нет в живых!

Я – негодяй, но и молчать было нельзя, ложные надежды ни к чему хорошему не приведут. Женщина заплакала навзрыд, уткнувшись в плечо мужу. У мужчины глаза красные, я чувствую, как он себя сдерживает...

– Его убили! Ножевое ранение в живот, большая потеря крови, – только не судите меня, я просто знаю, что надо это сказать... всё то, что могу, поэтому продолжаю, – его тело находится в каштаксом лесу, в молодой березовой роще. От остановки «Каштак», строго на

север, полтора километра...

Мужчина не выдержал, заплакал, прижимая к себе жену. Антошка, вытирая рукавом, уголки глаз, отошёл к окну, а что вы хотите, ему всего лишь двадцать два года.

– Как? Как это произошло? – простонал клиент, его трясло.

– Не спрашивайте, Семён Андреевич! Просто найдите своего сына, а остальное пусть выясняет полиция...

– Мне срать на полицию! – закричал клиент. Эх, не люблю я такие моменты, но, увы, такова специфика моей работы. – Они полгода ищут его, безрезультатно! Groш цена их работе!!

– Семён Андреевич, полиция не всесильна, но если вы найдёте сына, то и органы смогут многое сделать...

– Милый, Сергей Владимирович! – эти просительные ноты я понимал, но не мог ему рассказать больше. – Это мой единственный сын... был, помогите, пожалуйста... Скажите, кто его убил?

– Семён Андреевич, поймите меня, я не могу рассказать этого. У нас был с вами договор, я нахожу вашего сына живого или... мёртвого, – женщина громче заплакала от моих слов, – но могу вам сказать, что нож в его животе, точнее рукоятка, с «пальчиками» убийцы. Полиции труда большого не составит поиск его, зря вы так про них говорите...

– Я вам в десять раз больше заплачу от гонорара, только одну фамилию и всё!

– Нет! – строгость мне не свойственна, но иногда нет выхода.

– Семён Андреевич, Анна Васильевна, – от окна оторвался Антоха, пошёл на выручку, – ну, в самом деле, Сергею Владимировичу, после сеанса, нужен отдых...

Очень уважительно, но настойчиво, Антошка взял клиентов за локотки. Помог им встать с дивана и стал сопровождать к двери. Я всем сердцем чувствовал их боль, эта истина убила последние надежды. Но и без упокоя, душу парня тоже нельзя было оставить там... в лесу.

– Хотя бы скажите, Сергей Владимирович, мой сын сильно мучился? – они остановились в дверях. Я посмотрел в глаза Семёну Андреевичу.

– Нет! Боли не было! Красивый лес, нежный снежок и последняя мысль – Тёма, как там мой Тёма будет без меня... – зря я это сказал, у женщины подкосились ноги, и Антошка подскочил к ней, перехватывая её падение. Секретарь кинул на меня осуждающий взгляд, оттаскивая женщину к дивану. За ними, как в прострации, следовал Семён Андреевич. Последние слова произвели впечатление на моих клиентов, сколько раз себе зарекался лишнего не говорить, а вот опять...

– Тёма, это его сын, наш внук. Всё, что осталось от нашей кровинушки. – Заплакала Анна Владимировна, уткнувшись в грудь моего секретаря.

Пришлось мне взять себя в руки и с дрожью, налить воду из графина на письменном столе, в стакан, и поднести женщине. Ноги были ватные, реально, после таких сеансов я чувствовал себя не очень...

– Sp... спассибоо! – поблагодарила Анна Васильевна, стуча зубами по стеклу.

– Ну, что вы, – отмахнулся я от благодарности, и протянул Семёну Андреевичу кожаные перчатки, – мне они больше не нужны!

Клиент взял перчатки сына и, прижав их к своим щекам, присел рядом с женой.

* * *

– Серёга! Ну, в самом деле, зачем? – я ждал этого наезда от Антоши, после того, как секретарь, наконец, проводил клиентов за дверь. Не удивляйтесь, пусть он и младше меня

лет на пятнадцать, но, когда мы оставались наедине, я настоял, чтобы он обращался ко мне на «ты». Не люблю эти: «Сергей Владимирович, как ваше ничего?», «Спасибо, Антон Петрович, моё ничего, очень даже ни чё!». – Про этого, как там его, совершенно было лишни...

– Артёмка! – подсказал я Антоше. – Это внук их единственный....

– Я понимаю, для эффекта это неплохо, но немного всё же – перебор! – мы уже полгода работаем на этом поприще, и Антошка повидал достаточно, но до сих пор, он считает, что наша работа на уровне цирковой битвы экстрасенсов. Наивный.

– Антоха, прости, само сорвалось, – настало мое законное время. Я открыл дверцу отделения письменного стола и достал оттуда поднос с коньячком и двумя рюмками. Стресс сегодняшнего «пребывания» надо было немного смягчить. Я вам скажу, не очень приятно умирать в очередной раз. К этому тяжеловато привыкнуть, до сих пор живот холодила сталь ножа. – Может немного?

– Серёжа! Знаешь ведь, что до 18-ти я ни грамма! – вот парень, уважаю я принципы эти наивные. А ещё, я знаю, что в 17-30, его ждет молодая девочка из соседнего салона красоты, ассистенткой, что ли, работает, и ей не нравятся «выхлопы». Я многое знаю, но молчу.

– Как хотите, было бы предложено! – не стал я его уговаривать, и налил свою законную рюмку.

– Шеф, все-таки, как думаете? Найдут труп? А то финансы наши, поют романсы...

– Найдут, Антоха, найдут, – уверенно выдохнул я, заглывая свой ядрёный «напиток», – уууф, как пошло... через пару дней найдут и если совесть есть у них, деньги перечислят...

– Это хорошо, через четыре дня аренда подходит, а денег почти нема! – ох, как я не люблю эти разговоры про деньги там, или про оплаты счетов, тьфу!

Уже вечером труп мужчины был найден, об этом известил меня сам Семён Андреевич, всхлипывая в телефонную трубку. Всё как я и говорил, в полутора километрах, от шоссе и остановки, в куче сухой листвы, с ножом в животе. Эта информация была лишней, я же сам эту смерть пережил. Такая вот игра слов -пережить смерть!

Эта способность жила со мной с детства, но до поры, до времени, я считал это наказанием...

Часть 1

Глава 1

Первую смерть я пережил, когда мама дала мне орден деда, для игры в войнушку. Было мне лет восемь. Звезда была рубиновая и такая красивая. Я заморожено смотрел на нее, держа на ладони. Минуты две я просто смотрел, и вот тогда-то и началось. Это как потерять сознание и очнуться в сновидении...

...Я лежал на кровати, в голове не было никаких мыслей. Я видел свои худые руки с пигментными пятнами и сморщенной кожей. Внутри была дикая боль, разрывающая грудную клетку и этот бурлящий кашель. Было такое чувство, будто котел с кашей кипел в груди, но не было сил отхаркнуть эту гадость. И еще это желание.... Я дал знак стоящей передо мной девушке, потому что сказать, произнести вслух, сил уже не было. И еще я понимал, что девушка была моей мамой, только очень, очень молодой. Она со слезами на глазах, прикурила папиросу и всунула в мои губы. С большим трудом я втянул табачный дым и тут же закашлялся. Начался острый приступ, после которого потерял сознание.

Вдох! Помню, как заглывал воздух, лежа на полу. В ладони была зажата звезда героя, острые края её проткнули кожу. А надо мной склонилась бледная мамочка. Вот так это было. Я и сам напугался вусмерть, и у мамы чуть инфаркт не случился.

Потом уже, я узнал, что дед мой умер от рака легких, когда матери было лет пятнадцать, и что она, в последние минуты, была с ним, и даже дала ему покурить папироску, напоследок...

Вы же понимаете, я был мальчишкой, и этот случай просто ужаснул меня, и еще, я такой был уставший после этого первого раза. Два дня лежал в постели, набирался сил, мама хлопотала вокруг меня, отпаивая куриным бульоном. Она думала, что это какой-то новый вид эпилепсии, а я молчал и ничего не говорил.

Второй случай произошёл лет через пять после первого. Мы с другом пошли на рыбалку, на речку. В тот день рыба не ловилась ни на червя, ни на хлеб, зато друг умудрился подсечь галошу от валенка. Когда поклевка произошла, мы оба обрадовались, тянуло удочку, как будто, там сидел карпиче. Но, когда из воды была вытащена галоша, мы заржали как ненормальные. Потом мы стали кидать друг в друга этим резиновым изделием. Наигравшись вдоволь, мы уселись на берегу. Я взял в руки этот предмет, и задумался, ну а через минуту потерял сознание...

...Была весна и лед на речке подтаивал, чуть ли не на глазах, но окунёк клевал отменный, как под копирку, граммов по триста. В очередной раз, не успев до дна опустить снасть в лунку, как почувствовал резкий толчок. Выживая рыбу, я услышал, как лед треснул подо мной, хлестко, как выстрел.

– Сука... – успел прокричать я и полностью оказался в воде. Из рук выскользнула зимняя удочка вместе с рыбой на крючке. Течение на этом месте оказалось сильным, меня затягивало под лёд. Вынырнув из воды, я машинально попытался ухватить за край льда, но он отломился. Валенки и одежда тянули вниз, ко дну. Пытался дотянуться до обуви, чтобы скинуть, но не смог. Я уже был под водой. Открыв глаза, я понял, что течение меня затащило под лед, в каряги. Солнечные лучи, сквозь слой льда, освещали дно реки: камни, торчащие корни и стайки рыбок... красиво! Я сделал глубокий вдох, наполняя лёгкие водой, надо же, как хорошо день начинался и клёв был отменный...

– Уфффффф! – Вдох, я лежал на траве и смотрел на проплывающие облака надо мной. Я весь был в поту и чувствовал слабость во всех частях тела. Разжав злополучную галошу, я попытался приподняться. В горле стояла горечь подступающей тошноты, а в глазах мир кружился. Вдоль берега бежали люди в мою сторону во главе с моим другом, видать, пока я был без сознания, он позвал взрослых.

Какой-то мужик схватил меня на руки, что-то кричал мне в лицо. Я не улавливал смысла его слов, лишь слабо повторял:

– Там... там, в корнях... под водой... – дрожащей рукой я показывал на берег реки, и весь путь до дому, повторял: – Ему холодно... он лежит в корнях...

Пока мужик меня нес к матери, мой бред, наверно, засел у него в голове, ибо уже к вечеру нашли почти разложившийся труп рыбака. Именно этот мужик нырял в речку и наткнулся на эту жуткую находку.

И опять пару дней я отлёживался дома, тогда ещё был хиленьким и слабеньким, и восстанавливался довольно долго. За это время, к нам заходили медики, пытались найти причины потери сознания. На предложение о детальном обследовании, в клинике, мама категорично сказала – нет! Потом приходили милиционеры, хотели понять, как я узнал про

утопшего. На все эти вопросы, я отвечал, что не знаю и не помню. А под конец второго дня, к нам пришла незнакомая женщина и на коленях стояла перед моей кроватью, что-то там говорила и целовала мои руки..., я был в полубредовом состоянии, и вполне возможно, что это могло мне и привидеться.

После пережитой смерти рыбака, я понял, что мои видения были настоящими, а смерти – реальными! Вещи умерших однозначно связывали меня с последним мгновением их жизни. Всё бы ничего, если бы не одно «но» – смертельные муки я испытывал реальные. Даже вкус речной воды ощущал своими рецепторами. Повторение подобного, я не желал – однозначно!

Глава 2

Начался второй этап моей жизни – осознание этой странной аномалии и попытка приручить эти способности. Одно я понимал точно, что «пережить смерть» – это очень болезненно для собственного организма.

Матери так и ничего не рассказал, возможно, думал, что она не поймет меня – в лучшем случае, в худшем – напугается, ведь я был у нее единственным ребенком. Поэтому эксперименты проводить решил по секрету, никого не посвящая, 13 лет – это такой возраст, любознательный что ли... или дурной.

Первым опытным объектом я выбрал бабушкин платок, лежащий в шкафу, в спальне. По рассказу матушки, бабушка умерла во сне, от сердечного приступа. Меня пугала эта попытка, до жути, но глупость победила, правда, на всякий случай, мало ли, я написал записку и вложил в книжку Дефо «Робинзон Крузо». Так, мол, и так, в случае моей смерти, прошу никого не винить. Простите меня... бла бла бла, я сам типа виноват, ну, и еще дописал, что мамочка моя, ты самая лучшая и т.д. и т.п., детский максимализм, короче.

Мама была на работе, в моем распоряжении был целый день, и опыт можно было начинать. В зале я устроился на середине ковра, по-турецки поджав ноги. Хотел быть похожим на факира, казалось, что этот момент похож на волшебный какой-то фокус. С гордой осанкой, как настоящий брахмист или там буддист, я взял в руки бабушкин платок. И стал ждать...

...Ничего не происходило, тогда я приложил платок ко лбу. Казалось, это верный путь к чуду, но чуда снова не случилось. Тогда мысленно стал искать контакт, в упор глядя на платок и «прожигая» его своим пронзительным взглядом. «Прожжённая» ткань пахла нафталином и от неё поднималась пыль, я стал чихать. «Гипнотизирование» и наложение магнитных волн на платок, не помогло, контакта не было.

«Магические» силы иссякли, что-то в опыте было неправильно. Я еще не выпустил платок из рук, но мысли мои уже перенеслись в школу. К завтрашнему дню надо было выучить стих Лермонтова, а еще и не приступал даже. По литературе у меня и так две двойки в дневнике краснели за этот месяц – ещё одну получу, вызовут маму... И тут меня накрыло! В глазах всё померкло, затылком я почувствовал соприкосновение с полом и «ушёл»...

...Я шла по поляне ромашек, и точно знала, что являюсь маленькой девочкой и что я самая счастливая на свете. От переполнявших чувств, пела песню и вприпрыжку скакала по полю, мне так было хорошо! И тут, из воздуха появилась старенькая бабушка с добрыми глазами. От неожиданности её появления, я застыла на месте, и чуть было не закричала. Тогда бабушка присела на корточки и поманила меня к себе. Я успокоилась, глядя в её добрые глаза, и подошла к ней.

– Привет, Авдотья, внученька моя!

– Здравствуйте, бабушка! А откуда вы знаете моё имя? – спросила я, испытывая странные чувства к ней. Вроде не знаю её, но казалось, что она мне очень близка, хотелось её обнять.

– Потому что, всю твою жизнь я была рядом, оберегала тебя...

– Странно, но я вас не знаю...

– Сейчас, Авдотья, это не важно! – бабушка взяла мои ладони в свои руки и посмотрела в мои глаза. – Чтобы я сейчас не говорила, дорогая, не прерывай меня, как бы глупо не звучало, это не для твоих ушей! У нас мало времени!

– Хорошо! – согласилась я, её руки были теплые и нежные.

– Серёжа, не удивляйся, я твоя прапрабабушка! Ты сейчас находишься в поиске себя, и я тебе дам пару советов. Такой талант, как у тебя, Он дает людям редко. Ты должен распорядиться им правильно! У меня тоже был дар, в той далёкой жизни, но это неважно сейчас. А теперь ангелом я приставлена к Авдотье, и у меня к тебе поручение от Него!

Используя этот дар, ты многое увидишь: что происходило с людьми, в последний миг их жизни, какие мысли у них были в этот момент, и главное – иногда ты будешь знать, по чьей вине произошло несчастье.... В этом случае, ты ни в коем случае, не должен говорить имя виновника! Ибо кара убийцы – это не твой удел и не твоя судьба! Ты увидишь ужасные вещи, поганных людей и непотребных извращенцев. Но, как только ты назовёшь имя виновного, дар ты потеряешь! А дар тебе дал БОГ, и ты не вправе его лишиться, как бы иногда не хотелось это сделать! Ты должен знать одно – любое злодеяние будет наказано, и не тебе решать – как!

Ещё, пожалуй, скажу, что Дар твой не простой, а многогранный и тебе его надо развивать и оттачивать. Много ещё ты откроешь в себе странного и необъяснимого!

А теперь, Серёженька, пора прощаться! Будь мудр, поступай правильно и развивай свою силу! В твоих руках надежда и добро для многих людей! – после этих замысловатых слов, бабушка нагнулась и поцеловала мой лобик.

– Бабушка, но я ведь не Сереженька, почему ты так говорила?

– Так надо, Авдотья! Ну что, моё солнышко, пора и нам в путь? – руки у неё были крепкие, она подняла меня и прижала к себе, поглаживая мои волосы. – Намучилась ты родненькая, но не бойся, теперь нам с тобой будет хорошо, пошли?

– Пошли! – согласилась я, обнимая шею бабушки.

Прямо перед нами появился туннель из света, притаптывая ромашки, бабушка понесла меня туда. Мне было хорошо, а свет ярким и при этом, не раздражал глаза. В лучах стояли: мама с папой, муж, сестра и лучшая подруга. Дорогие моему сердцу люди, которых я потеряла на своем жизненном пути – они ждали меня. Вот мы и встретились, родненькие мои...

– Уфффффф! – Вздох... Я лежал на полу и смотрел на люстру в потолке. Затылок немного болел. Несмотря на ковер, хлопнулся довольно чувствительно. Я стал прислушиваться к своему телу – болезненных ощущений вроде бы не было, разве только легкое покалывание на уровне сердца, ну и затылок. Осмелел и встал на ноги, головокружения не было. Только усталость в ногах и руках, но не смертельная.

Значит и правда, бабушка Авдотья умерла во сне... и какой же сон у неё был странный... и сон ли это был?

Подойдя на дрожащих ногах к креслу, я решил отдохнуть в нем немного и подумать над контактом с бабушкой. Удивительно, но контакт был еще и с другим человеком, а это было совсем необъяснимо. А еще, несмотря на пережитую смерть бабушки, того упадка сил, что был в других случаях, я не наблюдал. Может из-за того, что Авдотья не мучилась в последние свои минуты, а может, мой организм был готов к плохим последствиям, ведь когда я взял этот платок, то морально ждал боль и мучение.

То, что я видел последние минуты умерших, не вызывало сомнений, а вот про какие еще возможности говорила прапрабабушка, было непонятно. И еще один вопрос смущал меня – как я вступал в контакт с умершими, то есть, как их вызывал? Личная вещь погибшего была связующим звеном, но как конкретно? Возможно, нужно думать о совершенно отвлеченных вещах? Например, в этот раз я думал о стихах. Опыты надо было продолжать, однозначно!

Маме я опять ничего не сказал, но так хотелось поделиться с кем-нибудь, ведь это было так необычно и меня переполняли эмоции. Через пару недель, я решился на следующий шаг. Мама меня воспитывала одна, и на вопросы про отца, отвечала однобоко. Служил в армии и погиб на фронте, без всякой дополнительной информации. На каком это фронте в 77 году, я не спрашивал. Когда мы из города уехали и поселились в селе Дубровка, мне было четыре года, и я совершенно не помню той жизни, городской. Так что, ни соседи, ни знакомые моей матери, не могли рассказать про отца, а мама была немногословной, если дело касалось прошлого.

Отец! Вот кого я выбрал объектом своего следующего опыта, а для этого надо было обзавестись личной вещью папы. Что это могло быть, я не знал, для реализации этого плана, надо было как-то раскрутить мать, может у неё что-то хранилось, на память. Не может же быть, чтоб ничего не было?

И вот, в один из вечеров, когда мама вернулась с работы, я дождался, пока она управится с домашними делами, после чего подошёл к ней. Обнял её и расцеловал, сказал, что люблю её, то да сё и как мне хорошо, что она у меня есть. Издалека начал, попытался её расслабить – получилось наоборот. Она опять заволновалась: о моём здоровье спросила, терял ли я сознание еще и как себя чувствую? Тогда я решил поменять политику и сыграть нечестно, так, мол, и так, у всех есть отцы, а у меня нет. Здоровье, мол, не очень у меня, а хотелось бы почувствовать мужское плечо, твоё, мама, я чувствую каждый день, но не хватает мужского. Задатки хитрого засранца открывались уже в тринадцатилетнем возрасте...

– Но ведь отец твой умер, сынок! Где возьму тебе отца? – расстроено произнесла мамочка, прижимая меня к себе. Я ответил, знаю, что он умер, но ведь должно было остаться, хоть что-нибудь из его вещей, я бы взял эту вещь и почувствовал бы его «плечо», и мне бы стало легче! Мама повздыхала, немного попричитала, как ей было тяжело одной тянуть меня, но всё же сходила в свою комнату и принесла старый фотоаппарат «Фет» в кожаной кобуре. Это, мол, был аппарат твоего отца, и если ты хочешь фотографировать им, то ничего не выйдет, он сломан. Меня переполняли те же чувства, что и Колумба, увидевшего неизведанные земли в подзорную трубу. С трудом дождавшись, когда мама заснёт, я схватил в руки папину «мельницу» и устроился на кровати, в своей комнате. Я готов был отправиться в прошлое и увидеть своего отца, точнее увидеть мир его глазами и почувствовать последние мысли.

До двух часов ночи я крутил этот фотоаппарат, и так, и сяк, думал обо всём, отвлечённом, не получалось! Пробовал включать настольную лампу и выключать, смотрел в

щель «мыльницы». Принёс даже из кухни свечи, приготовленные на случай отсутствия света и конца света, зажигал их – не помогало. Контакта не было!

Утром мама меня еле-еле разбудила. С трудом разлепив глаза, я поплёлся мыться. Потом мы разошлись по своим делам – я в школу, мама – на работу в «базовки», доить коров. К тому времени мы ещё не знали, что подходит развал СССР, и ещё пару лет оставалось, до разрухи нашего колхоза, и не только нашего...

После учёбы, я на всех порах бежал домой, и это несмотря на конец мая и теплую погоду. Друзья звали играть в футбол, но отказался, дома меня ждали новые испытания с этим «Фетом». На этот раз, я решил заняться «мистикой» где-нибудь в уединенном месте, сеновал – самое то!

И снова я сидел, поджав под себя ноги, в середине строения. Сена в эту пору осталось уже мало, за зиму скормили нашей коровушке Мане, так что чувствовал я себя здесь довольно просторно, как царь. В ладонях держал фотоаппарат, пытался срастись с чудом техники, найти контакт. Не получалось!

Мозг снова стал отвлекаться, вспомнилось недавнее выступление на уроке литературы, как я заикался, рассказывая стих у доски, а весь класс ржал над моей пуганицей. И как-то машинально, стал повторять тот стих, покручивая в руках вещицу отца:

Ночевала тучка золотая
На груди утёса великана;
Утром в путь она умчалась рано,
По лазури весело играя...

И началось... но в этот раз было по-другому! Я почувствовал тепло в руках, почти жар, и бросил взгляд на фотоаппарат. Он превращался в светящийся шар и разрастался на глазах. Я хотел его отбросить в сторону, но не мог, и, как загипнотизированный, смотрел на это чудо. В какой-то момент шар стал гигантским, почти в мой рост, но тяжести я не чувствовал, только жар. А потом свет меня затянул, или точнее, я соединился с этой сферой.

Свет резко пропал, и я оказался парящим над городком. Подо мной были крыши домов и других зданий, а еще от меня вилась вниз светящаяся веревка.

– Кто это такой? – почувствовал я чью-то мысль, вроде, как и сам это сказал вслух. – Неужто, Сереженька?

Глава 4

– Не удивляйся! Я всё знаю о тебе! – я был в странном создании, оно делало пируэты в воздухе, опасно пролетая над крышами. Карлсон, что ли? Это создание прочло мою мысль. – Эх, мальщ, не Карлсон я. Я просто тот, кого вы называете ангелом. А ещё твой далекий родственник!

Что-то много я встречаю родственников в последнее время, хотел бы я сказать вслух, но не смог. Это создание меня понимало и без слов, а я вот не мог понять, что оно думает. С теми случаями, что с бабушкой, что с дедушкой, даже с рыбаком, я чувствовал и знал, что они думают в последний момент. А тут было совершенно по-другому. Я подумал про отца, по идее сейчас должен был быть в нём!

– Серёжа, не надо винить кого-то, но твой отец живой! И это мой подопечный! – но как так? А как же «убит на фронте»? – Ты можешь не понять взрослых, но они очень часто делают глупости в своей жизни... а потом живут, даже не подозревая о многих вещах. Вова,

твой папа, даже и не подозревает о твоём существовании. Тут уже есть часть вины твоей мамы, гордость не всегда бывает хорошим качеством. Я часто пытался во сне надоумить Вову, подтолкнуть немного его мысли, чтобы он попытался поискать свою первую любовь, то бишь, твою мать. Но безрезультатно, твердолобый уж очень, баран, одним словом, гордый...

В этот момент, создание полетело вниз, прямо в крышу одного из зданий, вслед за тянущейся и светящейся верёвкой. Я хотел было закрыть глаза, но создание контролировало моё желание, не давая мне его исполнить. Мы пролетели сквозь строение и оказались в квартире, на кухне. За столом сидела семья. Мужчина крепкого телосложения, женщина с милостивым лицом и мальчик лет восьми. Все трое хлебали борщ.

– А это твой отец и мой подопечный! – светящееся нить соединялась с мужчиной, и я парил над их столом. Я как привидение, проходил сквозь потолки и стены. – Видишь, он живой, а это его семья...

Как же это? Я хотел уйти отсюда, было так обидно видеть своего отца, счастливого и довольного, в другой семье, но не мог, передвижение этого создания было не подвластно мне. Зачем я затеял эти опыты, черт возьми, ведь для меня он был убит на войне....

– Полетели отсюда, Сережка! – прочёл мои мысли ангел и рванул вверх, в потолок, пронзая все этажи этой многоэтажки. Мы пролетали через квартиры, и в каждой шла своя тихая жизнь. Наконец, мы взлетели над домом. Создание, специально для меня, смотрело вниз, чтобы я видел эффект ангельского взлёта. А посмотреть было что, мы поднимались всё выше и выше, и под нами тянулась связующая нить, уходящая вниз. Дом уменьшался на глазах, я видел, как начинает клубиться вокруг плотный туман, это создание залетело в облако. Но на этом ангел не остановился, возвышаясь всё дальше, навстречу солнцу.

– Да, Сережка! Твоя мама пошла на обман, но не надо винить её в этом, жизнь очень сложная, когда-нибудь ты это поймешь, а пока просто, прими эту правду такой, какая она есть! – дома уже не были видны, даже облака подо мной начали растворяться, и тогда я увидел величие нашей планеты. Создание поднималось всё выше, и Земля округлялась, превращаясь в гигантский глобус.

Красота неопишная! Леса, поля, озера, а потом я увидел и океан. Мы летели в стратосфере, и, по идее, я должен был задохнуться, но этого не произошло.

– Красиво? – очень! Подумал я, забывая про недавно увиденного отца. Интересно, а что это за светящаяся веревка, увивающаяся за нами? – Это, Сережа, пуповина ангела, она связывает с подопечным меня. Я каждую секунду чувствую и вижу, что он делает, думает. Даже сны могу контролировать. А иногда, могу с ним общаться там...

Ладно, это всё хорошо, но как теперь мне относится к этому знанию про отца?

– Советую оставить всё как есть! Но, тут ты в праве сам решить... ты можешь найти отца, и сказать сам ему всё, а можешь жить своей жизнью... – Создание резко полетело вниз, наверно хотело произвести на меня впечатление и со скоростью истребителя влетело в облако. Впечатлений было море, если бы я сейчас имел тело, то «брызганул» бы в штаны. – Ну, Сережа, будем прощаться? Второй раз тебе не получится оказаться во мне, так что со мной ты не встретишься больше. Когда ты соединяешься с ангелом, то у него появляется иммунитет на твоё присутствие и второй раз, при всём желании, не получится этого. Прощай, Серёжа!

– Уфффффф! – выдохнул я, открывая глаза. В руках был зажат фотоаппарат, светящегося шара не было. Боли или другие неприятные чувства отсутствовали.

Значит, отец был жив.... Меня трясло от обиды и несправедливости!

Глава 5

С этого дня настал мой «трудный подростковый возраст», ведь я теперь знал, что мать скрывала всю мою жизнь этот факт про отца. На откровенный разговор она не шла, а я не хотел рассказывать про мои способности. Не знаю почему, но хотел держать всё в секрете.

В 14 лет впервые закурил. По каждой мелочи ругался с мамой, и почти всегда я был инициатором. В школе тоже дела пошли на спад, огрызался учителям, не учил уроки, дрался и вообще, стал прыщавым засранцем, обвиняющим всех и во всём.... Возможно, в этот момент, порция ремня вправила бы мозги но, увы, некому было это сделать, а тот, кто мог – «вправлял» другому мальчишке.

В 15 лет, я закончил «восьмилетку». В аттестате одни тройки ровным рядом шли друг за другом. Учитывая, что в селе не было полной средней школы, только в районном центре, предо мной предстал выбор: остаться в деревне и окончить трехгодичное училище и получить специальность тракториста, или ехать в город, на его покорение. После очередного скандала с матерью, выбор был сделан. Так, волею случая, я оказался в городе. В чемодан, помимо своих вещей и одежды, я механически закинул шарф своей матери. Никакой цели не преследовал, как говорится – на всякий случай. А времена наступали переломные для страны – путчи, пустые прилавки, беззаконие. Россию-матушку трясло и разрывало.

Приехав в город, с таким аттестатом я смог лишь поступить в строительное училище, на каменщика. Поселился в общежитии учебного заведения, в четырехместной комнате. Началась обычная жизнь простого человека, со средней мозговой активностью. Мама регулярно, раз в месяц, высылала продуктовые посылки, иногда и деньги, которые чуть ли не каждый месяц менялись из-за политической и экономической обстановки. В течение двух – трех дней, посылочка съедалась дружным нашим этажом. С каждым месяцем содержимое высылаемой помощи становилось все меньше и скудней, и не у меня одного. И ни разу, за весь период своего обучения, я не написал письмо своей матери: ни спасибо, ни привет...

Вот такая я эгоистичная сволочь, обиженная на мать и отца, который и не знал о моем существовании. Так я и дотянул до получения диплома, с «чистой» совестью и «высокими» моральными устоями. А надо сказать, за всё время, от пребывания в ангеле своего отца и до последнего дня учёбы, я так и не совершал больше свои опыты с «переживанием смерти», благополучно на них плюнув. И вот, наступил день награждения. Весь этаж был в приподнятом настроении, и на вечер мы решили устроить молодежный такой гудеж, повзрослому, со спиртным. Мне повезло, в номере моего диплома, цифра последняя была однёркой, а значит и потратил я немного, но были товарищи и с девятками, закон есть закон, тут уж кому повезёт.

Вечер был очень хмельной и весёлый. Из-за тщедушности и слабости, скосило меня одним из первых. Я оставил компанию друзей, и, на заплетающих ногах, попёрся в свою комнату. Соседей не было, они продолжали «отжигать». Я, со вздохом, лег на свою кровать и устался на кружащий потолок, пытаюсь безуспешно сфокусировать взгляд – не получалось. Зато, от головокружения, я умудрился свалиться на пол, с кровати, мне было очень плохо. Сам не зная зачем, я подполз к тумбочке, достал из дальнего закутка свернутый мамин шарф и прижал его к своему лицу. Далекий запах любимых духов мамы, обволок меня, я лежал, не в силах встать.

И опять началось... шарф засветился, и стал превращаться в светящийся шар, поглощая

меня...

Глава 6

Существо парило перед моей мамочкой. Я смотрел на неё, моё сознание било в колокол. Родная мамочка сидела перед окном и смотрела потухшими глазами на улицу. Морщины, откуда так много их взялось? Ведь три года назад она была вполне приятной сорокалетней женщиной, а теперь передо мной сидела женщина, постаревшая лет на двадцать... и эти белёсые глаза...

– Что, Сережа? Довел ты мою подопечную, – эта мысль существа пронзило моё сердце, я не мог этому поверить, – да, это всё твоя работа! Она уже как год не работает, колхоз ваш развалился, и работы нет. Она почти все вещи продала за копейки, чтобы тебе выслать хоть что-то...

Для подкрепления своих слов, существо стало оглядывать комнату. Телевизор отсутствовал, лишь лакированная тумбочка сиротливо стояла в углу, накрытая маленькой скатертью. «Стенки», за которой мама отстояла, в своё время, три года в очереди на получение, на месте не было. Даже шторы были проданы, осталась только пыльная занавеска на окне.

Для подкрепления своих слов, ангел полетел в мою комнату, пронзая стену, напрямик. Моего двухкассетного магнитофона «Соната», на письменном столе не было, как, впрочем, и самого стола. Кровать была так же продана.

– Вот так вот, Серёжа! Всё для тебя и твоей учёбы! – но как так? Почему она не известила меня? Да я бы работал не только летом, но и во время учёбы!!! Да я бы сам мог содержать нас... – Успокойся... «мог бы», «работал бы», ты вот на неё обиделся, из-за такой ерунды, если честно... а она даже не знает, почему ты так себя вёл! Она души в тебе не чаяла, несколько раз ездила в город, со стороны смотрела на тебя, входящего в училище или в общежитие. Я-то знаю, как её сердце разрывается от любви к тебе, она всё тебе прощает, вон смотри!

Существо резко подлетело к сидящей маме и сфокусировало свой взгляд на пальцах моей мамы. Они держали маленькое фото с моей физиономией, снимок для паспорта. Большой палец, механически, нежно поглаживал моё лицо. Из уст её, полупшепотом лилась колыбельная, которую она в детстве пела мне перед сном. И смотрела при этом, сквозь стекло, на входную облезлую калитку. Я знал – она ждала меня! Я не мог смотреть на эту сцену, хотелось убежать куда подальше, но ангел специально не двигался с места.

– Тебе не скрыться от совести, Серёжа! Я 18 лет за тобой наблюдаю, так же тебя люблю очень, почти как моя подопечная, но заклинаю тебя! Если ты не успеешь и не вернешься перед её смертью домой, то поверь мне, вина тебя иссушит!!! – перед какой смертью? Хотел я крикнуть, что она не умрет, но не мог... – Мы никогда не врем, я чувствую, что подходит время её, вон и пуповина, почти рассеялась, Он хочет прибрать её...

И создание бросила взгляд на светящееся соединение с мамой, и правда, пуповина была почти невидима. – Надеюсь, ты понимаешь, что я, как ангел твоей матери, хочу только хорошее для неё. Ты добрый мальчик, но своим поведением сократил её пребывание в этом бренном мире и единственное, что ты можешь ещё сделать – это приехать и предстать перед её взором...

...Когда я пришел в себя, то почувствовал, что хмель уже испарился. Мне хотелось тут

же сорваться домой, но поздний вечер остудил мой пыл. С трудом дождался утра и рванул к маме на первом же автобусе. Уже в десять утра открывал эту облезлую калитку и, бросив взгляд в окно нашего дома, встретился с потухающими глазами своей матери.

Момент нашей встречи был очень соплив, не хочу об этом рассказывать много, скажу одно, я как мальчишка ревел, обнимая свою, ставшей на голову ниже меня, маму. Она ужасно похудела. Материнские глаза ожили и засветились. Я всё шептал и просил прощение, а она не слушала меня, и лишь гладила мои волосы, с трудом дотягиваясь до них.

Весь день мама что-то делала, готовила, полы помыла. Столько энергии у неё появилось, я даже подумал, что ангел приукрасил её физическое состояние, но вечером она прилегла, чтобы отдохнуть. А к утру умерла...

Вот так! Такая я сволочь и тварь, и нет мне прощения...

Глава 7

Похоронив мать, я продал дом. Ну не мог я находиться в нашем селе. Мне казалось, что все бросали на меня осуждающие взгляды – да, скорее всего, и не казалось. В городе снял комнату, устроился в строительную артель помощником каменщика, и покатила жизнь по наклонной.

После работы – выпивка, в выходные – бухаловка... и во время работы – «употребление», без меры. Два года после смерти матери пролетели в едином угарном сне. Даже и не помню, был ли я хоть один день трезвым – наверное, нет. Однажды, во время очередного тяжкого запоя, мне привиделось, что на меня напала стая диких и страшных пауков с тараканами. Отбиваясь от этой гадости, я выбежал во двор. Там-то меня и встретила бригада скорой помощи. Они разогнали насекомых и погрузили меня в машину.

Так я оказался в психиатрической лечебнице, на реабилитации. Сколько в меня вкачали физраствора и выкачали «плохой» крови из вен, не могу сказать. Но, в конце концов, я пришёл в себя и даже стал реагировать на врачей. Затем, ещё целый месяц я провёл в палате с четырьмя такими же «страдальцами», глотая таблетки в разнообразной цветовой палитре.

И каждый день, около двух дня, я общался с одним и тем же психиатром, который всё копался в моём прошлом, ища причины моего «падения» и отмечая прогресс лечения. Мужик был добрый, душевный, и сам не знаю в какой момент, я сорвался и стал рассказывать ему про своё прошлое. Накопилось у меня, мочи не было держать в себе.... И про смерти пережитые рассказал, и про ангелов, и про мать и отца, всё влил в уши этого целителя душ. Три дня исторгал из себя воспоминания, иногда сам себе не верил – даром что дурдом, тут истории и похлеще звучали.

Наконец я выговорился и почувствовал реальное облегчение. Врач не без интереса смотрел на меня и улыбался. Потом стал говорить что-то про выздоровление, про последний шаг к нормальной жизни, и про замещение реальности выдуманном миром. По его интонации я понял, что он совершенно не поверил моим словам, и тогда я прервал его монолог, предложив ему принести завтра какую-нибудь небольшую вещь. Но, обязательно одно условие – эта вещь должна быть умершего человека – знакомого, родственника или друга. Я предложил доктору провести эксперимент. Он минут пять постукивал шариковой ручкой по столу, обдумывая моё предложение и пронзительно поглядывая на меня прищуренным взором. Он согласился. А мне и самому было интересно, смогу ли я снова «пережить смерть»...

...Мне было очень плохо, перед глазами всё расплывалось. Руки, ноги, живот, голова – слились в один клубок боли, пульсируя вместе с уставшим сердцем. Люди в белых халатах суетились вокруг меня, настраивая капельницу в мою вену. Каждая капля раствора прожигала мой мозг. Я чувствовал, что эта суэта бессмысленна.

– Папу... маму... позовите... – прошипел я через трубку в своих ноздрях и прикрыл уставшие веки.

Через пару минут я открыл глаза, родители уже стояли передо мной и плакали. Я впервые увидел отца со слезами...

– Не надо.... – прошептал я. Мама, всхлипывая, обхватила мои худые ладони своими руками. От этого материнского прикосновения я испытал дополнительную боль, но терпеть я научился.

– Сынок... ты нас звал?

– Да... – я собирался с силами для последних слов, было очень больно, нестерпимо больно. – Па, Ма... не прерывайте меня... времени нет... Грише отдайте мои марки, он давно их хочет... у бабули попросите прощения... это я сломал её педальный «Зингер»...

Отец с матерью сидели у моей кровати, на коленях, в тумане я видел их трясущиеся плечи, а лица расплывались.

– И мама, прости, в том году я украл у тебя деньги... с кошелька... – я немного захлебнулся воздухом, но отдышавшись, продолжил: – Папа, помнишь ту фотографию... с Черного моря... я с крабом?

– Да...

– Сделайте мне её на памятнике... на моей могиле...

– НЕТ!!!! – это был крик моего отца... но он уже звучал где-то очень далеееекооо...

Глава 8

– Уфффффф! – судорожно втянул я воздух, разлепляя глаза. Рядом стоял напуганный доктор с побледневшим лицом. Меня, как в лихорадке, трясло от пережитого – я лежал на мокрой от собственного пота, кушетке, и разжал детскую хоккейную крагу.

– Сережа, вы как? – в этот момент доктор хотел преподнести к моему носу, вату, смоченную нашатырным спиртом.

– Норм... – прошептал я с усилием и с трудом, отталкивая руку с едким запахом. – Не надо...

– Сергей, это было ужасно! Я грешным делом подумал, что вы умираете...

– А я и так умирал... – сказал я, боль от пережитого не покидала меня. Эта смерть мальчика была ужасной и болезненной, до этого момента я не испытывал такого болезненного конца жизненного пути. Даже тяжёлая смерть моего деда, не шла ни в какое сравнение! Я посмотрел на доктора с сочувствием и жалостью – ...умирал вашим сыном... химиотерапия... рак крови...

– Как? – выдавил доктор из себя, ещё более испугавшись. Непроизвольно, он присел на стул, рядом с кушеткой, – этого не может быть...

– А вы Грише отдали марки, как просил Антон? – мне было очень жаль врача, с каждым моим словом он всё больше и больше сникал. – И про сломанный «Зингер» знаю, и про фотографию с Чёрн....

– НЕТ!!! Хватит!!! – закричал доктор, обхватив голову руками, и навзрыд зарыдал. – ...

Пожалуйста, хватит...

– Я вас прекрасно понимаю, простите... – да, понимал, а также знал, что никто не поймёт меня. Такую смерть, которую пережил Антон, я бы и врагу не пожелал, ну а мне вот привалило такое «счастье». Я весь взмок, меня тошнило. Пока ни ног, ни рук не мог поднять. Прошло минут пять.

– Как?.. Как это может? – потихоньку доктор приходил в себя и успокаивался. Вытащив из кармана платок, он стал вытирать глаза. – Вот, как мальчишка расплакался... взрослый дядька... в самом деле, было тяжело наблюдать, как чахнет и умирает собственный сын, ему только исполнилось пятнадцать лет... за какие такие грехи?

– Не думаю, что это за грехи... – зачем-то пробормотал я.

– Что? – доктор посмотрел на меня с недоумением. – Но тогда почему он так мучился?

– Вряд ли кто-то сможет ответить на этот вопрос из ныне живущих... – я отдышался и продолжил, – ...но одно я знаю точно, там, получим ответы на все вопросы... и мы не умираем!

Доктор взял мою поникшую руку и погладил.

– Спасибо, Сережа! Теперь я верю, что встречу его в своё время! – доктор улыбнулся, лишь красные глаза говорили о потрясении.

– Надеюсь, это вы не пристаёте ко мне... я не такой, – с трудом пошутил я, чувствуя, как усталость накрывает меня, – вы уж позвольте мне тут отлежаться несколько часов... видите ли, я совершенно сейчас не транспортируемый...

– Конечно, Сергей, отдыхайте! Я уж вас оставлю...

А потом я уснул и проспал почти весь день, в кабинет никто не заходил... а может и заходил, кто его знает. Думаю, что если бы прилетел метеорит в этот день, я бы не заметил этого гостя.

Глава 9

Через неделю меня выписали из больницы, и мне некуда было идти. За два года непрерывного пьянства, я остался без денег от проданного дома, без работы – обратно меня в артель не брали, и без жилья – хозяйка, у которой я снимал комнату, сдала её другим. Я стал бомжом – обычным, довольно таки молодым бездомным, собирающим бутылки и другую гадость, чтобы добыть себе на пропитание. Спал я на улицах, в подъездах, на теплотрассах. Вроде и не запивал сильно, как после смерти матери, но, все равно, дальнейшей цели в жизни – не видел.

После года мытарств по улицам, я оказался, не без помощи очередной пьянки, «рабом» на даче Колчедана. Это был, как модно говорить, «новый русский», предприниматель и директор одного из базаров нашего города. Конечно же, никакого рабства – всё по собственной воле. Мне предоставили на территории фазенды сарай для проживания, еду и каждые три дня бутылку водки, а за это я делал всё! Копал, убирал, ремонтировал и строил.

Колчедана я называл Анатолий Васильевич, его кличка была ещё и фамилией, ничего общего с пиритом и рудой. Возраста он был среднего, лет сорока, крепкого телосложения, но невысокого роста и с залысиной на затылке. Нрава вспыльчивого, за словом в карман не лез, также, как и за кулаком. Несколько раз от него получал в глаз, в основном по ерунде, ну там кирпичи долго на поддон складывал или после того, как промёл бетонную тропу между

яблонями, попало несколько листочков. Получал за дело, то в левый глаз, то в правый – равномерно и поочередно, в шахматном порядке.

У Колчедана была жена, лет на десять моложе его, стройная такая дамочка, с довольно крупной и высокой грудью. На голову выше своего мужа и всегда в тёмных очках. Слава богу, она меня не била, но думаю с моим «высоким» самомнением, она вполне бы могла это делать без страха. Если на то пошло, то я для неё был букашкой или привидением, и она просто не обращала на меня внимания. Когда попадался на её пути, она не останавливаясь, шла вперед, как будто я фантом или ничто. Приходилось, как козьявке, отскакивать в сторону, с её пути. Она была холодной красавицей, не реагирующая на окружающий мир. И только при виде своей дочери, Лизы, она оживала и становилась настоящей матерью, со всеми этими сопливыми сюсюканьями.

А дочка у неё была просто совершенно противоположной по натуре, что отцу, что матери. Ей было лет восемь, красивая такая и весёлая, светловолосая девочка, восторженно смотрящая на мир и людей. Запросто подбегала ко мне с вопросами или просто, чтобы поиграть, не стыдясь моего, не очень ухоженного вида. Отказать ей я ни в чём не мог – эти добродушные, голубые глаза, смотрящие на тебя снизу, обезоруживали. Честно скажу, я почти с первого дня испытал нежный трепет в сердце к этому существу. А ещё, она воровала у отца сигареты, и периодически приносила их мне. Я категорически отговаривал её от этого милого табакокрадства, но она не слушалась и снова это делала. Наивная и добрая малышка, которая при виде красивой бабочки или мотылька восторженно щебетала, умиляя отца, мать и меня.

И случилось несчастье. Это произошло осенью, когда я уже восемь месяцев прожил с Колчеданами на их даче, и, в принципе, привык к их распорядку. Так повелось, что жили они круглый год загородом. Личный водитель отвозил девочку в школу и привозил обратно. И вот, однажды, он приехал без Лизы.

Начался самый кошмарный период в жизни Колчеданов. Маленькую девочку кто-то украл. Потом уже выяснила милиция, прямо у выхода из школы, мужчина лет тридцати пяти, встретил Лизу, что-то ей сказал, та, взяла его за руку, и они ушли вместе.

Прошло две недели. Милиция молчала, Колчедан ждал звонка похитителей, забросив бизнес, а жена его слегла в постель и чахла. От неизвестности, обстановка в доме накалилась от напряжения, и, была готова взорваться в любой момент. Колчедан под вечер уходил в летнюю беседку, брал с собой бутылку виски и медленно напивался. Уже в кондиции, он вставал, подходил к деревянной опоре крыши, и начинал от бессилия биться лбом о брус. Колчедан был мне неприятен из-за рукоприкладства, но даже моё сердце разрывалось от боли и неизвестности. И в один из вечеров, я не выдержал и подошёл к Колчедану, в беседку.

– Анатолий Васильевич? – неуверенно я подал голос. В этот момент, Колчедан в очередной раз, долбил головой по дереву. На столе стояла бутылка виски с остатками напитка на два пальца. Меня он не слышал, продолжая проверять прочность своего лба. Тогда прокашлявшись, я более громко, окликнул хозяина: – Анатолий Васильевич??

– Чёё! – он остановил самоистязание и повернул ко мне затуманенные глаза с красными прожилками. Со лба, по лицу, струилась кровь. – Чё надо?

– Анатолий Васильевич, я могу вам помочь... – договорить я не успел, он схватил меня за шиворот и подтянул к себе.

– Ты? Тварь, ты что-то знаешь? – я ждал очередного удара и закрыл глаза. В этот раз он

меня не ударил, а резко отпустил. От неожиданности я упал и зажал голову руками, возможно, ждал ногоприкладства. Но, вдруг, услышал над собой уставший и дрожащий голос Колчедана: – Как там тебя... как ты можешь помочь?

– Сергей... меня зовут... – я поднялся на ноги. Он никогда ко мне по имени не обращался, так что его незнание моего имени, не удивляло, – возможно, я смогу найти Лизу...

– Как? – простонал Колчедан, усаживаясь на лавку, перед столом.

– Не спрашивайте как, Анатолий Васильевич... принесите любую игрушку Лизы, и я попытаюсь найти её живую... – я всхлипнул, боясь договорить, но продолжил – ...или мёртвую...

– Не смей так говорить! – сжал кулаки хозяин, прожигая меня глазами. Сделав пару вдохов, он разжал кулаки. – Она живая! Я сердцем это чувствую!

– И всё же... мне нужна любая её вещь, и я попытаюсь найти девочку...

Глава 10

Я находился в тёмном помещении и, слава богу, девочка была жива – я был ангелом. И на этот раз я не летал... как в других случаях, я просто обнимал девочку и боялся выпустить её из рук. От моих объятий создавалась светящая аура вокруг Лизочки. Девочка сидела на кровати и со страхом смотрела на закрытую дверь. Я не мог понять, что происходит...

– Привет, Сергей! Почему так долго? – мелькнула мысль ангела, я почувствовал усталость существа. Странно, небесная сущность и усталость, какая-то нестыковка в происходящем. И вообще, какое-то панибратское отношение... мы разве знакомы?

– В нашем мире тебя уже знают. Такие люди и для нас редкость, хотя многие тут недовольны тобой в последнее время... у тебя такой талант пропадает... – вот, мне сейчас, как раз не хватало воспитательной работы! Но, увы, в теле ангела я ведомый и вникающий в мысль. Очень конечно приятно от этой славы ангельской, но, чёрт возьми, почему сущность так крепко вцепилась в ребёнка?

– Серёжа, не надо ругаться, это лишнее, учитывая в ком ты! Это называется ангельская стена, этим объятием я защищаю Лизочку! Пока я это делаю, с ней ничего не произойдет... – а девочка всё продолжала смотреть на дверь, она ждала кого-то очень страшного, – ...но пока я это делаю, мои силы иссякают, и я слабею. Если я в сферы солнечные не слетаю, и не заряджусь энергией, то просто растворюсь. И тогда девочка останется без защиты, и с ней может произойти всё нехорошее.

Но, если мы не вознесёмся, я не смогу сказать, где мы находимся... а значит и спасти девочку не получится... – мелькнула уже моя мысль. И в самом деле, мы находились в маленькой комнате, без окон, только пружинная кровать, а в углу горшок для испражнений. Неуютный свет, исходящий от одинокой цокольной лампочки, по центру, с потолка, нагнетал страх...

– Я понимаю, что тебя надо вознести, но уже поздно... Он идёт...

За дверью скрипели половицы, кто-то очень грузный, приближался. Девочка вся сжалась от страха, такого затравленного взгляда я у Лизы не видел никогда. Аура вокруг девочки засияла еще ярче, я всеми фибрами чувствовал напряжение существа, он напрягал свои фантомные силы и был на последнем издыхании.

Заскрипел засов, дверь отворилась. В комнату вошёл мужчина. В одной руке он держал

стул. Без слов, в полном молчании, этот грузный тип сел напротив девочки и стал смотреть своим холодным взглядом на Лизу. Ангельским чутьём я почувствовал черные мысли этого мужика. Я как будто смотрел кино, но по экрану показывали не образы, а чувства, такие же реальные и осязаемые, как кинематографическая картинка. Ненависть, сдобренная злобой, к которой примешивались нотки сексуального влечения, а ещё там была зависть и жестокость. ... Передо мной сидел педофил, собственной персоной... Моё нутро возмущалось в гневе, но эта фантомность ангела не могла наказать извращенца...

– Да, я бессилён физически спасти девочку, поэтому просто скажу адрес... у нас времени всё меньше и меньше, меня хватит ещё на час... и я разомкну в бессилии руки – защита падёт! Улица Вишнёвая 25, подвал, ты обязан это сделать, именно для таких дел тебя избрали! Спаси Лизу!!

Последние слова были лишними, эту девочка для меня была больше, чем просто дочь моего хозяина, это был мой единственный друг...

...Жадный вдох!!! Я открыл глаза и увидел над собой склонившегося Колчедана. На его лице читалась разнообразная гамма чувств одновременно: страх, удивление и надежда. А ещё Колчедан протрезвел, я выпустил из рук куклу.

– Лиза жива! – просто ответил я на немой вопрос шефа.

– АААААА!!! – это был не крик, а рык раненого зверя нашедшего выход из капкана. – Где она?

– Улица Вишнёвая 25, подвал, у вас времени около часа, спасите её!

Через 4 минуты Колчедан с водителем, рванули на джипе на адрес. Анатолий Васильевич прихватил с собой ружьё и пистолет, и я надеялся, что это животное они пристрелят. Я лежал на скамье в беседке и думал о своём даре. Именно в этот вечер я выбрал свой путь и решил начать новую жизнь для людей.

А на следующий день у меня появился банковский счет, на счету около двухсот тысяч долларов и двухкомнатная квартира. Я не хотел брать эти деньги и квартиру, но когда за горло меня взял Колчедан, в прямом смысле слова и пообещал, что если я не возьму это всё, то он меня пристрелит – я согласился. Он был очень убедителен! Что случилось с тем маньяком, я не стал спрашивать – главное, девочка осталась жива и невредима. И только я знал, каких трудов стоило ангелу это спасение, но об этом не рассказал никому, зачем людям лишний головняк...

Часть 2

Глава 1

Почти месяц я наслаждался новой жизнью: собственная квартира, чистая одежда, возможность купить любую вещь, сходить в ресторан и покушать непривычные деликатесы. Вскоре наслаждение сменилось привычкой, а потом и скукой. Мысль о потерявшихся и потерянных разъедала мой мозг, я чувствовал незримые и осуждающие взгляды небесных существ. Даже еженедельные посещения семьи Колчеданов, не могли отвлечь меня. После случая с Лизой и её спасением, я понимал, что моё назначение – это именно помощь страждущим. Ведь очень много пропавших без вести, близкие и родственники которых «землю роют» в поисках. А незнание ответа – не это ли самое страшное? Может человеку отшибло память, и он ходит по свету, неприкаянный, не зная куда приткнуться, а мать его или отец, в это время багром прощупывают дно озера.

Тогда я решился на первый шаг к новому и правильному. Я отправился в православную церковь и впервые в жизни обратился к Богу. Стал читать собственноручно придуманные молитвы перед иконостасами, но почему-то, глядя на нарисованных святых и ангелов, я не находил сходства с теми сущностями, в перьях которых побывал... Может это грехи мои не давали прочувствовать Истину, а может, все же, советское образование, но как бы там не было, я ничего не чувствовал, разве что хотелось выпить «беленькую». Молящие вокруг, сомкнули ладони и шепчут слова Богу, а я с таким же видом, перед свечой, стою со скорбным лицом и представляю полную стопку сорокоградусной. Как-то безбожно и пошло, но ничего не мог поделаться с собой, видно я был обожжён бесом.

Почти две недели, регулярно, я посещал святой дом, где зажигал свечу, втыкая её на острый кол подсвечника. Я просил Его помочь мне в борьбе с зелёным Змием, но как-то молитвы проскакивали мимо. Приходя домой, первым делом наливал полстакана водки и одним глотком проглатывал эту жидкость – молитвы не помогали. Почему-то я понимал, что надо было мне побороть эту болезнь прежде, чем начинать помогать людям. Я решил повторно пройти через покаяние. В своё время в больничке, я это примерно уже делал, правда, тогда передо мной сидел психиатр, но в тот период это мне помогло, помнится.

В очередное посещение церкви, я стал присматриваться к священнослужителям в поисках того, кому бы мог довериться. Самый главный у них был пожилой, бородатый дядька, весьма непостного телосложения, с весом, в два, а то и в три раза, превышающим мой. Здоровенный золотой крест на массивной цепи болтался на шее, как колокольчик на корове, разве что не брэнчал. Не внушал сей божий отрок доверие, немного даже пугал, особенно его бас, когда он читал литургию. А вот другой священник, был очень даже приятен, да и вида был более скромного. И по возрасту, всего лет на десять старше меня. Улучшив момент, когда он остался один, я подошёл к нему.

– Здравствуйте, святой... эээ... – я замялся, подбирая слова, как к нему обратиться, «отец»? Как-то помпезно, учитывая, что в отцы-то он мне не годился, разве что в старшие братья.

– Авелей! Просто Авелей... – прервал моё эканье монах и, положив на моё плечо свою руку, продолжил: – ...что тебя беспокоит, сын мой, и как тебя зовут?

– Сергей, ваше преосвящ...

– Не надо, Серёжа, по имени можешь, я всего лишь протодиакон, ну так что тебя беспокоит? – в глазах священника я увидел искренность, и, как бы смешно это не звучало, добро.

– Аааа... Авелей, у меня большая проблема и я не знаю... что делать... я запутался.

– Хорошо, Сергей. Ты хочешь исповедаться?

– Да... нет... не знаю, а просто поговорить мы можем? – я глянул на священника, почему-то он улыбался, и улыбка у него была приятная.

– Конечно же, можем, пойдём, сын мой, во двор, там ты поведаешь о своей проблеме.

Мы вышли из церкви и направились к скамье, отенённой ветками берёзы. Вокруг никого не было. Мы сели рядом и начали разговор наедине, без свидетелей.

– Сергей, ты крещённый?

– Да! – ответил я, инстинктивно вытащив свой нательный крестик на верёвочке, и зачём-то показал его, в качестве доказательства. – Мне было лет пять, и я почти не помню этого момента, а потом мама говорила, чтобы я об этом никому не рассказывал...

– Эээх! – вздохнул печально Авелей и перекрестился. – Да... прости нас Боже, такие

времена были, бесстыдные и безбожные... Твоя мама была молодец! А я вот уже в зрелом возрасте крестился... ну да ладно, так с чем ты пришёл к нам? Я за тобой уже пару недель наблюдаю и вижу твоё беспокойство. Если готов, то можешь поведать мне, а значит и Богу.

– Даже не знаю, как начать... – замялся я, почёсывая голову – видите ли, у меня есть дар с детства...

– Ага! – ободряюще кивнул священнослужитель.

– Я могу оказаться в другом человеке, в последние мгновения его жизни... – по изменившемуся взгляду Авелея, я понял, что могу лишиться внимательного слушателя, поэтому, не теряя времени, продолжил, – это на самом деле, Авелей, не подумайте что я сумасшедший...

– Верю, верю! – эти обволакивающие нотки в голосе я узнал, в психлечебнице только так со мной и разговаривали, – а может у тебя ещё кое-какая проблема есть?

– Есть! – ну а почему бы собственно нет? Я решил рассказать всё. – А ещё я могу оказаться в теле ангела-хранителя... ну конечно не в теле, а в сущности его, что ли, внутри... но тут еще одна проблема...

– Какая же? – глаза у диакона, или как там его, расширились с каждым произнесенным моим словом.

– Ангелы чувствуют моё присутствие в себе, и самое интересное, они очень любят поучать и командовать, а я ничего не могу с этим поделать...

– Да что ты говоришь!

– Ага, а вот когда я переживаю чужую смерть, я всё это испытываю на самом деле. Если человек умирает болезненно, то и я это чувствую на себе... Однажды я тонул другим человеком, вы бы знали, как было реалистично, я даже вкус воды помню....

– Сережа! – прервал мои излияния, Авелей. – А вы случайно алкоголизмом не страдаете?

– Я собственно и пришёл с этой проблемой, в основном. Пью! – я утвердительно качнул головой. – Не хочу пить, а не могу с собой ничего поделать...

– Фуу! – с облегчением выдохнул диакон. – Ну, это многое объясняет...

– Не, не ... я и в самом деле обладаю даром!

– Так... и как же ты вселяешься в другие, эээ... сущности, – произнеся последние слова, Авелей посмотрел печально на небо и опять перекрестился. – Случайно не после того, как отведаешь огненную воду?

– Нет, не после того... – ох, чувствовал я, что объяснятся мне, предстоит долго – благо, была середина дня, а значит и времени у меня, было предостаточно.

Глава 2

Долго мы вели разговор, точнее я вёл монолог. Батюшка терпеливо слушал меня с сочувствием и вниманием, и я понимал, что он ни слову не верит, но внимает каждому моему слову. Когда я рассказывал про матушку и Лизу, Авелей даже вытащил платок и протёр край глаза – проняло...

– ...И теперь я не знаю, что делать дальше... вроде добился благополучия, но оно мне поперёк горла стоит. Я чувствую, что создан для людей! – я гордо глянул на диакона. Налетел легкий ветерок, от которого почему-то засвербило в носу. Пришлось чихнуть и невольно испортить «величественный» момент.

– Будь здоров, сын мой! – не отводил недоумённого взгляда от меня, Авелей.

– Спасибо. Ну... так что мне делать? Может в церковь податься? А то на свободе пью и пью... и ничего не могу с собой поделатъ, а в это время люди теряются, страдают...

– Знаешь что, Серёжа? Мне кажется, чудеса есть на свете, но иногда нами играют наши же пороки! Алкоголь, сын мой, это самый главный порок в многострадальной нашей стране и часто видения нам странные несёт!

– Я понимаю это, но первый раз, когда пережил первую смерть, мне было лет семь или восемь, а тогда я точно ещё не употреблял! В это тяжело поверить, особенно в ангелов, но вы же священник! Уж кто, как не вы, должны мне помочь и принять мои слова на веру!

– Эх, Сергей! Ну-ка, поцелуйте! – вытащил из кармана рясы серебряный крест, Авелей и протянул его к моим губам.

– Зачем? – в недоумении, я посмотрел на этот блестящий в лучах солнца, крест, наклонился, и всё же поцеловал его.

– Так, проверить надо, – внимательно смотрел на мой поцелуй Авелей, как будто и в самом деле, надеялся, что я сгорю после этого прямого контакта с религиозным артефактом, и, так сказать, проблема решится.

– Видишь ли, Сергей, в нашем мире очень много чудес происходило, и будет происходить, но все же законы математики и физики, преобладают в нём! Я хоть и служитель церкви, но, по секрету тебе скажу, вера в Бога иногда подменяется верой в чудеса! Человек, по своей натуре, пытается свой страх перед смертью смягчить и поверить в бессмертность души. Посмотри, сколько есть религий! И все считают свою веру единственно верной и правильной. Но, это же глупость! Если есть мусульманский Аллах, то, что получается? Все неверные сгинут в геене? Или наоборот? Все мусульмане сгорят в аду, потому что другой Бог правит вселенной?

– Как-то вы не по-православному говорите, – даже немного засомневался, правильно ли я сделал, что обратился именно к этому диакону. На Авелея я теперь смотрел с недоверием.

– Не пугайся, Сергей, я православный, просто уверен, что и мусульманин прав, и буддист и даже, тьфу, католик! – Авелей, сплюнув, перекрестился. – Путь к Богу, к Единому Богу, может быть извилист, и через другие веры, но уверен – у Бога нет национальности! А твой дар – это, случайно, не плод твоего воображения после всего пережитого? Иногда мы под воздействием спиртного видим странные вещи и даже осязаем их, как реальность. А это всего лишь страх смерти такими видениями замещает обыденность!

– Не знаю, как насчет подмены... и вообще, Авелей, вы случайно не пытаетесь меня перенаправить в другие инстанции? Я в церковь пришёл за помощью, а не за лекцией на весьма сомнительную тему. – И в самом деле, для священника, его слова пахивали ересью.

– Нет, Сережа, перенаправлять я тебя не буду, ты пришёл в это божье лоно по нужде, и мы должны тебя принять и по возможности помочь! Я тебе дам очень мне дорогую вещь. – Священник снял с шеи, через голову, медную цепочку с жетоном и протянул её мне. – Она точно принадлежала человеку, ушедшему к богу. Яви чудо!

* * * *

Мы идём по пустому аулу с взведёнными «калашами», цель – особи мужского пола. «Язык» направил нас именно в это поселение, где-то тут засела небольшая группа «душманов». Наше отделение шерстит западную часть деревни. Я и мой друган Андрюха,

заходим в крайнюю хибару, слеplенную из глины и дерьма. Нам навстречу выбегает чучмечка лет сорока, начинает трещать что-то на своем тарабарском, и махать руками.

– Пошла вон! – сплюнул я вбок и рукой толкнул её в сторону. Женщина легкая, одни кости да мослы, отлетела как куль опилок и с придохом «растеклась» по стенке. Из соседней комнаты выбежали трое детишек. Похоже, младший совсем недавно научился ходить, потому что неуклюже спотыкается. Грязные и голожопые, но крикливые, до ужаса. Я отпихиваю ногой, слегонца, деток в сторону, почему-то мне смешно, – ха ха, Дюша, во обезьянки, не это ли банда «духов»?

– Ага! – Андрюха тоже улыбается и продвигается за мной в соседнюю комнату – туда, откуда выбежали дети. В комнате из мебели почти ничего нет, стол деревянный, грубо сколоченный и тряпки на полу – служат, наверно, спальным топчаном для малышей. В углу стоит еще один пацан, лет восьми, тоже без трусов, и зло, исподлобья, на нас смотрит. В помещении больше никого нет.

– Смотри, Дюх, какой волчонок! Так и прожигает взглядом! – я кивнул на мальчишку. – Ну, всё, закругляемся! Тут чисто!

Андрей разворачивается, я смотрю на спину его – пятно пота на спине разрастается, конечно, жарница стоит просто убийственная! И тут я слышу очень знакомый щелчок. Удивленно оглядываюсь. Мальчишка вынимает, из-за спины, тяжёлый для него «калаш», и направляет на нас. Времени море, но я не могу поверить в происходящее.

– Дюша... шу... – договорить я не успеваю. Пули разрывают мою грудь. Все как во сне, а я почему-то, даже не слышу звука выстрелов. Вижу, как мальчишка, со слезами на глазах, не может из-за отдачи, удержать автомат. Струя огня уходит в потолок. Я падаю на пол. Через меня перепрыгивает Андрюха. Я смотрю на мальчишку и мне охота вытереть ему слёзы, совсем ребёнок... наверно ещё читать не научился. Тяжело... Не могу вздохнуть. Хочу крикнуть другу – не надо! Не могу.... Мальчишка отлетает к стене, Андрей несколькими точными выстрелами простреливает хрупкое тело... Я не слышу, но вижу. В проёме двери стоит мать детей, на коленях, и рыдает с протянутыми руками. Андрюха что-то орёт, разворачивается к женщине... и пустота...

Глава 3

– Уфффф! – я вдыхаю воздух и открываю глаза. Надо мной лицо постаревшего Андрея, в чёрной рясе, а за ним, качается от лёгкого ветерка, берёзка. Мозг начинает работать... это не Андрей – Авелей. Я, мокрый от пота, лежу на скамье и понимаю, что это было очередное пребывание в чужом теле в последний его миг.

– Сергей! Вы живой? – священник напуган. Я уже привык к такой реакции человека, первый раз присутствующего при моём перемещении.

– Всё нормально... Андрюха! – чувствую, как моё сердцебиение успокаивается, но также, успеваю заметить удивлённые глаза Авелея. – Зачем ты застрелил мальчишку? Он ведь уже мимо стрелял... И ещё... ту женщину ты тоже убил? Я не успел увидеть... я к этому моменту уже умер...

– Хватит! – Авелей сел на край скамьи и закрыл ладонями лицо.

– Я был Костяном, твоим дружбаном и зёмой! Афган, 86 год, зачистка аула. И меня подстрелил малыш... я его увидел за миг до этого и мог бы пристрелить... но я не поверил, да и не смог руку поднять на ребёнка... – Авелей прикрывал лицо, но по приглушенному

рыданию я понял, что он плачет. – И уже перед смертью, я видел мать этого убитого ребёнка на коленях, и я ушёл так и не поняв, убил ли ты её? Ну что, Андрей? Я явил чудо?

Я с трудом разжал ладонь. Острые края жетона порезали мою кожу – на землю капала кровь. Потом я протянул руку, возвращая вещь Константина обратно Авелею.

– Явил! – Авелей взял себя в руки и обратно повесил цепочку на шею. – Я убил её... и ещё тех трёх малышей в придачу... В меня вселился демон. Увидев, как ты, Костя, изошёлся в судороге, я просто озверел. В неистовстве я выбежал на улицу и пристрелил какую-то бабку по пути, там меня наши парни то и скрутили – иначе я бы всех положил в этом селе. Так-то вот! Через месяц меня комиссовали по психическому состоянию. Три года я пил и пытался оттереть руки... в конце концов, я подался в церковь и оказался тут... грехи отмаливаю...

Я лежал и слушал излияния Андрея, надо же, я и представить не мог, по его добродушному виду, через что прошёл он. А я ещё себя грешным считал... Лишить жизни детей и женщин и потом приехать на родину героем. Зигзаг удачи, елки-палки. Сейчас-то я понял, почему мне показался странным Авелей со своими рассуждениями о Вере. После такого и не такие «песни» запоёшь...

– ...ну, так что? Хочешь? – в какой-то момент я упустил, о чём это Авелей уже говорил.

– Что?

– Я говорю, могу подойти к протоиерею Василию с твоими проблемами, ты же увидел, что вряд ли я смогу тебе помочь. И, если честно, я бы не советовал тебе идти именно по этому пути, через церковь. У тебя другая дорога. Не могу сказать какая, но другая! Если до верхов дойдет слух про твой дар, то уверяю – тебя затаскают по-полной. Или из тебя сделают святого или, наоборот, Дьявола, но так или иначе, тебе мало не покажется! К нам очень часто приходят страждущие, но реальной помощи достойны единицы из них. Боюсь, если церковь тебя приберёт к своим рукам, то ты будешь лишь инструментом в решении их меркантильных интересов. А ту мизерную единицу к тебе не подпустят... Я отдаю себе отчёт, что услышав такие слова, меня могут отлучить от церкви, но поверь, не всё ладно в православной иерархии. Попробуй найти другой путь, Серёжа! И не надо идти в католицизм или мусульманство, там примерно так же, но с другими нюансами. – Почувствовав, что силы мои прибывают, я, с тихим постаныванием, приподнялся со скамьи. Авелей приобнял меня за плечи, и продолжил свою речь.

– Но знаешь, Серёжа, твоё чудо укрепило мою веру в истинного Бога, и я так рад, что в тяжёлое для себя время, повернулся к Богу лицом. Ну, так что? Мне идти к отцу Василию?

– Андрей, ты меня убедил... Пожалуй – нет!

– Вот и хорошо! – вздохнул от облегчения, Авелей. – А бросить пить горькую, я тебе помогу! Я через это прошёл и смог побороть эту болезнь, тут главное понять – что это не организм у тебя требует спиртное, а мозг! Если ты хочешь, то три раза в неделю я буду к тебе приходить после 19-ти, и мы с тобой будем вести разговор. Ну как? Согласен?

– Согласен!

Глава 4

Андрей, как и обещал, стал приходить вечерами ко мне в гости и вести разговоры о вреде спиртного, о смысле жизни и просто, о бытие нашем мирском. Я вполуха внимал его словам и продолжал употреблять после его ухода, но ему, при этом, говорил, что мне легче с каждой неделей. Нашими днями были понедельник, среда и пятница. В эти дни я пытался

быть правильным, а в остальные – уже с утра начинал накачиваться «водичкой». Как-то раз, в воскресенье, я особенно сильно напился и спутал дни недели. Поэтому, Андрей заявился для меня неожиданно-негаданно, когда я был ещё в пьяном угаре. Был уже вечер понедельника, а я всё ещё пребывал во вчерашнем вечере. Священник стоял передо мной и разочарованно смотрел на моё неустойчивое состояние. Я ему объяснял про какие-то выдуманные поминки и про Иисуса, который так же баловался красным вином, угощая апостолов, и всё это время, Авелей просто смотрел на меня. Простояв несколько минут перед моими «выхлопами» и прослушав мой бред, Авелей отвернулся и молча, пошёл на выход. Уже в дверях, он остановился и, глянув на меня, выговорил:

– Завтра я приеду в это же время, приготовься к лечению! Я тебя спасу! – после чего, удалился.

* * * *

В 19–00 вторника, я в напряжении сидел в кресле, немного напуганный и с чувством вины. Раздался звонок, и я пошёл открывать дверь, в проёме стояли Авелей и два незнакомых мне монаха, очень даже крепкого телосложения и высокого роста.

– Добрый вечер, Авелей и... – я надеялся, что Андрей представит двух незнакомцев.

– Привет, Сережа! Это мои братья, пришли по моей просьбе... ну так что? Перейдем на другой уровень лечения?

– Что-то мне не очень охота... – засомневался я. Под ложечкой засосало от неприятного предчувствия.

– А надо! – искры из глаз, звон в ушах и резкая боль в носу. Я потерял сознание...

...Открыв глаза, я увидел серый потолок. Подо мной была твёрдая поверхность и почему-то, пахло кислой капустой. В какую ещё историю я попал? – мелькнуло у меня в голове. Я сел и оглянулся.

Я находился в небольшой комнатушке, четыре стены без всякой штукатурки или обоев, лишь красные кирпичи с бетонными прослойками. Окно, с железной решёткой и деревянная, массивная дверь. В углу стояло ведро. Из мебели – только деревянная скамья, на которой я сидел и тумбочка, с лежащей на ней Библией.

– Всем привет! – пробормотал я пустой комнате. Голова болела, особенно переносица, видно «святая» братия приложила от души.

Так, надо было взять себя в руки. Что там обещал Авелей? Вылечить от алкоголизма? А, случайно, не слишком ли эти меры радикальные? Без спросу и уговоров, применив силовое давление, увезти куда-то в непонятное место... Конечно, мой нос многое перенёс и выдержал, но всё равно, как-то было обидно.

– Эй! Есть кто живой? – крикнул я, встав на ноги. Охота было глянуть в окно и понять, где нахожусь. Появилось лёгкое головокружение, но устоял. Пошатываясь, подошёл к оконной решётке. Лес, за стенами деревья и густые кусты. Пахло травой и грибами. Ни одного живого существа, только птичий щебет где-то в зарослях. – Ни фиги себе, где это я?

– В пяти километрах от города! – от неожиданности я вздрогнул. За спиной, у открытой двери, стоял Авелей. Надо же, как бесшумно он вошёл. Петли, наверно, смазаны.

– Авелей, ну это уже как-то не смешно! Разве церковь может применять силу к страждущему? – Для убедительности я коснулся носа, но, задел, видно, слишком сильно, потому что почувствовал острую боль. – Ой... и вообще, что тут происходит?

– Прости, Сережа нас! Но так надо! Ты же понимаешь, без радикальных мер тебя не спасти! Ты находишься в одном из наших реабилитационных, православных центров.

– Но это же бред какой-то... вы же не можете, без согласия, такими вещами заниматься...

– Эхх, Серёжа... если бы ты знал, сколько к нам обращаются за помощью. Сотни и сотни людей спиваются, наркотиками увлекаются, азартными играми мозг свой сжигают, а страдают ведь близкие люди. Всем мы помочь не можем, но всё же, иногда, берёмся за спасение утопающего. Именно такие центры мы и используем в лечении... – Авелей сел на мою лавку, постучал ладонью по дереву, приглашая меня присесть, и продолжил: – А тут другой случай, за тебя никто не просил, ты сам пришёл к нам за помощью. Силы разговоров и веры не помогли, и я взял на себя ответственность за твое спасение. У тебя есть Дар от Бога, Единого Бога, и ты должен распорядиться им правильно! Теперь тебе предстоит тут прожить довольно длительное время без злоупотребления – только постная еда и вода.

– Если не секрет, сколько времени вы меня тут продержите?

– От полугода и больше...

– Но я ведь сдохну, если не смочу жабры... – мой голос сел от страха. Представить себя «сухим» такое длительное время, я не мог.

– На всё Божья воля! – перекрестил меня брат Авелей.

Глава 5

Я метался от стены к стене, бился головой об бетон, просто в апатии лежал, не реагируя ни на что – я хотел выпить! Один раз, почти неделю ни кусочка съестного в рот не положил, надеялся, что меня в больничку отправят на восстановление сил, и ведь почти получилось... Но зашли трое крепких брата, скрутили меня как агнца и силой впихнули еду, и опять нос повредили при этом. На следующий день, эта же троица опять вошла в мою камеру, или в келью, как они сами называли сие помещение, и поставили передо мной тарелку с горкой гречневой каши, на верхушке которой соблазнительно таял кусок сливочного масла. Монахи на меня смотрели выжидающе, готовые повторить вчерашнюю экзекуцию. Я демонстративно стал кушать кашу, периферическим зрением я видел свой фиолетовый нос – за его состояние я испытывал лёгкое беспокойство.

Как-то я раньше представлял себе православных служителей церкви такими добрыми и всепрощающими, а реальность оказалась совсем иной. Очень крепкие молодчики в рясах, и в глаз могли дать, и, чёрт возьми, в нос, за ними не заржавеет. Правда, перекрестятся и попросят прощения перед Богом – но не за действия свои, а за грешную мою душу...

Спесь моя потихоньку спадала. Через какое-то время, жгучая жажда алкоголя стала растворяться, отступать. Всё чаще я стоял у окна и смотрел на берёзки, на кустики боярышника и волчьих ягод, на облака, на белые полосы в небе – следы самолётов, и представлял себя птицей, вылетающей из клетки. Сколько прошло времени с того дня, как меня сюда поместили, я не знал, но судя по погоде, месяц уже точно пролетел. Листва на деревьях почти вся опала, была уже глубокая осень. Иногда кружились неуверенно снежинки поутру, и прохлада заставляла меня закрывать форточку.

В одно такое промозглое утро, ко мне в келью вошёл Авелей и сел на мою лавку. Я стоял у окна и смотрел в мир. Мне очень хотелось пройти по земле, почувствовать ногами грунт и усыхающую траву.

– Доброе утро, Серёжа! – поздоровался Андрей за моей спиной. Я чувствовал и видел, как он пришёл и сел, но виду не подавал – просто не хотел с ним разговаривать. – Только не надо играть в молчанку, я не хочу с тобой разговаривать как священник, или там ещё как-то, возвышенно... Ты знаешь обо мне такое, что не даёт мне право на такой тон. Но ты должен знать, что я тебе друг и хочу помочь.

Заинтересованный, я повернулся к нему. Он сидел и смотрел на меня с теплотой.

– Я вижу, что тебя отпускает болезнь, но ещё очень далеко до полного выздоровления, поэтому могу предложить иногда прогулку по лесу, но под присмотром одного из монахов...

– Да! Я хочу туда! – тут же подал голос, моё нутро восторжествовало, я не верил услышанному. – Андрей, я хочу прямо сейчас...

– Хорошо! Тебе принесут через пару минут тёплую одежду, одевайся, и мы с тобой погуляем, есть разговор... И, ещё одно, не называй меня перед моими братьями Андреем...

* * * *

Я стоял на опушке леса, растопырив свои руки, как крылья, и смотрел вверх, ртом ловя снежинки. Прохладный ветер обволакивал моё тело. Я себя не чувствовал так хорошо уже очень длительное время, и поэтому ощущал просто какой-то нереальный кайф. Хотелось кричать от счастья...

– Ууух! – не выдержал я, проухав во весь голос. Эхо унеслось в глубину леса рикошета от стволов деревьев. Какая-то, не улетевшая в тёплые края, птица, ответила пронзительным, недоумённым визгом. Душа моя пела. – Как классно!

– Так и есть, мир вокруг нас прекрасный! – за моей спиной стоял Авелей. Я его не видел, но чувствовал, что он улыбается. – Чем больше ты будешь очищаться от затуманенности мозга, тем краски будут сочнее восприниматься... я-то знаю, сам через это прошёл в своё время...

– Андрей, о чём ты хотел поговорить со мной? – у ноги лежала куча сухой листвы, я с воодушевлением её пнул, придавая кратковременную невесомость жухлым листочкам. Такая маленькая глупость, но стало так приятно после содеянного.

– Я хочу, чтобы ты помог одной женщине... Она ходит к нам в церковь, почти каждый день, ставит свечи «за здравие» и «за упокой», одновременно... Улавливаешь?

– Немного да, но я ведь ещё пока... в тюрьме...

– Ты неправильно воспринимаешь своё положение. Ты не в тюрьме, а скорей в больнице... на стационаре так сказать...

– Но суть то от этого не меняется... – я повернулся лицом к Авелею и, подмигнув ему, специально упал на спину, в траву. Надо мной, через ветки деревьев пробиваясь, висело серое небо. Рядом сел Авелей.

– Эта женщина с каждым днём всё более и более ссыхается от горя. Её сын пропал без вести с полгода назад. Он у неё единственный был... или есть. Мужа схоронила год назад. Такая вот «счастливая» череда событий...

– Вы ей про меня уже рассказали?

– Нет, и не расскажу. Я её приведу просто, и ничего не скажу, только попрошу её прихватить с собой вещь сына. Не буду обнадеживать, а если ты сможешь увидеть что-нибудь, то тогда сам решишь, что сказать... Я боюсь за неё, неизвестность её просто убивает...

– Я помогу ей! – и обнадеживающе похлопав Авелея по коленке, приподнялся с травы. Почему-то я явственно вспомнил свою мать у окна, и её печальные глаза, смотрящие на

калитку, и как она ждала моего появления в своё время...

Глава 6

На следующий день, с утра, меня сводили в баню, находящуюся во дворе дома. Давно я уже не парился берёзовым веничком. Каменка была разогрета до треска, и я чуть не задохся, когда поддал пару. Один из монахов принёс бритвенные принадлежности, и я с удовольствием сбрил свою скудненькую бородку. После того, как обработал свои телеса мылом и мочалом, я вышел на улицу. Меня пошатывало – отвык от банного духа. У хозяйственной постройки, примыкающей к дому, в кучу были свалены распиленные брёвна, на одно из поленьев я и сел. Воздух приятно пах берёзовыми опилами. Рядом два монаха пилили «Дружбой» толстое бревно, лежащее на «козлах». Из хмурых облаков выглянуло весёлое солнышко, я посмотрел на него и подмигнул:

– Привет! Давно мы не виделись! Как там, на небе? – монахи перестали пилить, прислушиваясь ко мне. – Братишки, что сегодня у нас на завтрак? Не хотелось бы порцию божьих наказаний получить в очередной раз, а вот яичницу бы... с удовольствием!

Те, с показным возмущением, оставили ручки пилы, и, немного с пафосом, пошли в дом. Мой нос ещё болел, после последнего нашего общения с этими самыми монахами. Я улыбнулся.

– Какие мы тут все важные... – с этими словами, я снял с себя рубашку и взял лежащий в ногах колун. Очень уж захотелось почувствовать физическое напряжение в теле, как-то обрюзг я от ничегонеделания в последнее время. На самый толстый чурбан я стал ставить поленья и раскалывать их. Поначалу получалось неуверенно, но после пары неудачных минут, дело пошло споро. Через час, все напиленные брёвна я наколол – теперь они лежали кучей вокруг большого чурбана, как поверженные бойцы. В руках и ногах я чувствовал приятную усталость.

– Привет, Серёжа! – из дому вышел Авелей, запахивая свою рясу и опоясываясь. – Смотрю, ты в хорошем расположении духа сегодня.

– Есть немного! – согласился я, надевая рубашку, хоть я и был разгорячён после бани и физической работы, но простыть не очень хотелось. – Андрей, а что вы батенька не в церкви сегодня? Отлыниваете от работы?

– Что ты! Просто сегодня день намечается богатый на события, и отец Василий меня отпустил. Серёжа, я же просил, называйте меня Авелеем перед братьями, Андрей остался там, в мирУ...

– Как всё у вас просто, батюшка... ну да ладно, когда та женщина придёт?

– После обеда её привезут, Серёжа, пойдем в трапезную, с сегодняшнего дня ты будешь с нами столоваться, и твоя дверь будет открыта всегда...

– Не бойтесь, что убегу и напьюсь?

– Боимся, но если что – на дыбу тебя поднимем... делов то на копейку...

– Ха... – хохотнул я. Не без чувства юмора оказался Авелей-то, но всё же глянул с подозрением на него. Тот мне подмигнул и улыбнулся.

* * * *

– Здравствуйте... эээ, не знаю ваше звание... – женщина взяла меня за руку, пытаюсь поцеловать.

– Что вы... – я вырвал в смущении руку, —зовите меня просто, Сергей! И ни в каком я

не звании...

Мы находились в одной из комнат, вдоль стен которой, стояли деревянные скамьи. Два монаха с опущенными головами сидели у стены, рядом с дверью и перебирали чётки. Авелей стоял рядом с женщиной, положив руку на ее плечо в качестве поддержки. Я, как царь сидел в центре, на стуле. После моих слов, она с сомнением глянула на Авелея.

– Всё нормально, Инна Васильевна, это он! Сергей не священник, он просто хороший человек и возможно, поможет вам...

На морщинистом лице женщины отразилась надежда. Она упала предо мной на колени и заплакала навзрыд. Монахи, сидящие на скамье, дернулись было со своих мест, но Авелей жестом их остановил.

– Что вы... – я растерялся от такой бурной реакции и вскочил со стула, пытаюсь помочь ей встать. – Что вы... не надо на колени...

– Сынок, ради Бога, помоги! Никого у меня нет, кроме сына. Христом Бога прошу! Помоги мне его найти! Отец Авелей сказал, что ты можешь это сделать.

– Только с колен, прошу вас, поднимитесь! – я взял её за пояс и потихоньку подвёл к скамье. – Садитесь! Я постараюсь вам помочь...

– Спасибо, сынок, спасибо...

– Вы принесли какую-нибудь вещь сына?

– Да! – дрожащими руками она торопливо стала вынимать из своей сумочки ручку, линейку и старую, мятую тетрадку. – Я не знала, что лучше принести, на всякий случай, несколько его вещей принесла.

– Хватило бы одной вещи. Ладно, дайте, что ли, тетрадь...

Глава 7

– ...а что я могу сделать? Он совершенно не прислушивается ко снам или сердцу... – слава богу, я находился в ангеле, а значит, смерти не было. Сын Инны Васильевны в этот момент наливал в стакан водку. Рядом с ним сидел на потёртой лавке такой же «герой», отторгнутый обществом. На постелённой газетке стояла открытая банка с надписью: «Кильки в томате». Видя этот натюрморт, у меня возник маленький вопрос: «А почему я не вижу ангела другого человека, ведь по логике, он тоже должен был находиться где-то рядом, в висячем состоянии?» – А он есть, только в другом измерении, этих измерений миллионы и миллионы! Это чтоб мы, создания, не сталкивались друг с другом при исполнении своих обязанностей, хотя если захотим, можем и встретиться. Но там, на солнце, мы все видимые и общаемся с себя подобными. И я тебе больше скажу, у нас там своя жизнь...

Сущность поднялась над двумя «друзьями», примерно метров на пятьдесят и зависла в воздухе. Стая голубей пролетела сквозь наше эфемерное тело, лёгкое физическое покалывание мы ощутили, как будто немного электричеством протрясло. – Щекотно... это легкое чувство контакта мы чувствуем при соприкосновении с физическим, живым организмом, а вот они совершенно нас не осязают...

«Всё это интересно, но я тут по другому вопросу. Там мать его от горя умирает, а он тут водку хлещет...» – я пребывал в несколько заведённом состоянии, и если бы имел реальное тело и собственную силу, то подлетел бы к Анатолию и треснул бы по уху! – Я понимаю твоё негодование, Серёжа, но тут не так всё просто...

И опять, не прислушиваясь к моему мнению и желаниям, ангел полетел ввысь, в облака.

В этот раз я испытал страх высоты, сущность заставляла меня смотреть вниз. Я вспомнил, почему-то старты космических кораблей и, иногда, их падения...

– Я тебя проинформирую вкратце, а ты уж сам решай и будь судьёй. Мой подопечный рос хорошим и добрым мальчиком, любящий своих родителей. Но, чем старше он становился, тем больше у него возникало вопросов. Папа работал на металлургическом заводе, по двенадцать часов – в день, потом в ночь. Мама, Инна Васильевна, была домохозяйкой, а значит – не работала. Всё чаще она возмущалась маленькой зарплатой мужа, в связи с чем, он устроился на подработку в такси, и по выходным раскатывал по городу... – Сущность уже летела в стратосфере, пробивая озоновый слой. Я восхищённо смотрел по сторонам, и если бы контролировал свою мимику, то в удивлении бы охал от всполохов световых лучей в открытом космосе. А ангел продолжал свой рассказ, но не речью, а вбиванием мысли в мой мозг, не обращая внимания на мои эмоции, – ...и вот на таком фоне, начались сначала мимолётные, скрытные гулянки жены, пока муж работал, а потом и откровенные. Инна Васильевна отправляла сына на улицу, играть в «войнушку» в эти моменты. Муж, без рук, без ног, приходил домой и молчал, о многом подозревая, но почему-то боясь заговорить на эту тему... Даже когда онкология скрутила мужа, она продолжала крутить хвостом...

Рядом промелькнула сверкающая сталь, я узнал что-то рукотворное, хотел попросить сущность посмотреть на него и показать это мне, но ангел проигнорировал мои желания, продолжая бороздить эфир вселенной. Целью он избрал Солнце.

– ...это всего лишь китайский спутник... ну так вот, и всё это происходило на глазах этого парнишки. Он любил и мать, и обожал отца. Это я говорю реально, несмотря на то, что он мой подопечный. И когда все же умер отец, Толик не выдержал этой потери... я-то – тоже прочувствовал все его переживания. Знаю, что бывают тяжелей ситуации, и люди выдерживают, и живут с этим, но вот он так отреагировал. Бросил институт и исчез без всяких объяснений. Всю вину в смерти отца переложив на мать, тем самым, мстя ей...

Но это же бред! Как можно так поступить с любимой матерью, какой бы она не была? А мне кажется, вы, ангелы, всегда ищите оправдания своим подопечным, чтобы они не творили! Интересно, чикатилловский ангел тоже оправдывал подопечного?

– Ну, это ты конечно махнул. Мы всячески пытаемся им внушить через сны, и направить в нужную сторону, но они редко прислушиваются к нам. Твой вон, тоже, наверное, пытается тебя направить в правильное русло, однако ты не очень-то его слушаешь...

И тут я увидел очередное чудо. Из пустоты, с хлопком, появилась другая сущность. Передо мной возникла светящаяся тень, как привидение – оно не имело очертаний и явно выраженных выпуклостей. Наверно, со стороны, сущность, в которой я находился, выглядела так же.

– Фу, напугал... – «сосуд», в котором я был, так же, как и я вздрогнул от неожиданности, но направление движения не поменял. Вторая сущность пристроилась параллельным курсом, мы летели к солнцу.

– Архаим, ты не прав! – прозвучала мысль соседнего ангела. Ага, они ещё и знакомы...

– Знакомься, Серёжа! Это твой ангел, собственной персоной пожаловал! – мелькнула мысль анатольевой сущности. Удивительно, но я почувствовал недовольство в тоне.

– Привет, Серёжа! Я не должен был визуально встречаться с тобой, но так вот получилось. Просто меня переполняет негодование! Я как раз работаю на сто процентов, и ты прислушиваешься к моему внушению, а вот он немного фальшивит! Нет, чтоб сейчас работать, а он оставил своего подопечного и ради лишней порции небесной манны полетел к

солнцу...

Нам на встречу попался небольшой метеорит, мы, не замедляя скорости, пролетели сквозь него.

– Ага... то-то он у тебя пьёт как лошадь, такой Дар разбазаривает...

– Но твой-то тоже сейчас не водичку пьёт, а Серёжа вот борется с этим и надо заметить, не без моего внушения...

Я невольно присутствовал и пассивно участвовал в споре двух ангелов, и один, при этом, был моим собственным хранителем. Исторический момент, вряд ли кто наблюдал такое в нашем мире. Но, и как-то было обидно – неужели и небесные сущности подвержены нашим плохим, вздорным слабостям? Как-то не так мы, живые, представляли нашу жизнь на том свете. В отличие от «переживания смерти в чужом теле», время пребывания в сущности ангелов я мог контролировать. Поэтому я решил оставить спорщиков в полёте к солнцу. Пусть они уж выясняют отношения без моего участия. Да и вообще, как-то подустал я от всей этой небесной мистики. Пора было вернуться на землю, тем более я уже и выяснил всё в этом деле. И вообще, даже там, на небе, попахивает формализмом и канцелярией...

Глава 8

– Уфффф!!! – судорожно вдохнул я воздух, открывая глаза. Инна Васильевна и два монаха с испуганными лицами, смотрели на меня. Лишь Авелей спокойно сидел и ждал моего «возвращения», и после моего вдоха он протянул полотенце.

– С вами всё хорошо? – с беспокойством спросила Инна Васильевна.

– Да, всё нормально! – ответил я, вытирая вспотевшее лицо полотенцем.

– Ну что, Серёжа? Вы можете?

Я печально посмотрел на женщину, на её мокрые глаза и морщинистое лицо. Она стояла вся такая потерянная, эти хрупкие плечи, укутанные шалью, и представить её «гулящей» – не мог. Да если даже и мог, как можно сейчас винить её в произошедших событиях? Я не знал что делать!

– Завтра всё вам скажу, а пока отправляйтесь домой!

– Серёженька, милый, скажи – он жив? – заплакала женщина, опять падая предо мной и обнимая мои колени.

– Я не знаю! – соврал я – Завтра... до завтра, ради бога, потерпите!

Подошли монахи и помогли ей подняться на ноги.

– Умоляю Серёжа, помоги!!!! – братья уважительно довели её до выхода, она, повернув голову в мою сторону, смотрела глазами, полными страдания. Мне очень было горько. – Я не переживу неизвестность!

Я, не выдержав, опустил взгляд в пол. Дверь громко захлопнулась, плечи мои дрогнули.

– Что, Серёжа? Сын её, раб божий, Анатолий... покинул наш мир? – спросил Авелей, после того как монахи и женщина удалились.

– Андрей, нам надо рвануть в другой город, сможешь меня увезти? – проигнорировал я вопрос священника, в голове возник план.

– Смотри в какой?

– В Магнитогорск. До вечера обернёмся, если что...

– Смогу!

– Ну, тогда собираемся, там всё и узнаешь! – я надеялся, что мой ангел-хранитель уже

искушал солнечную манну, и вернулся к исполнению своих обязанностей. Двести пятьдесят километров пути по нашей русской дороге, без его сопровождения, были бы рискованной авантюрой...

* * * *

Над нами кружилось полчище чаек, издававшее неприятные звуки. Запах нас обволакивал, убийственный. Мы находились на самом вершине городской свалки и представляли странный, не в тему, вид. Вокруг сновали мальчишки-цыганята, подбегающие к грузовым машинам, приехавшим разгрузить мусор, свезённый со всех уголков Магнитогорска. Пацанята дрались друг с другом, за право первыми осмотреть выгруженные кучи. Над продуктовыми навалами так же дрались чайки – естественный отбор, в чистом виде...

– Бедные дети! – вздохнул Авелей, с сочувствием глядя на эту «движуху». Я и Авелей были облачены в рясы. Никогда раньше мне не приходилось так одеваться, и теперь я испытывал лёгкую растерянность, но, надо сказать, было комфортно в этом одеянии. На нас с недоумением смотрели местные аборигены – не гармонировали мы с ними как-то.

– Дяденьки, дяденьки... – к нам подбежал самый смелый мальчуган с протянутой рукой, – ...подайте денежки на хлеб!

– Сейчас сынок, подожди... – Авелей снял с плеча котомку, засунул туда руку и вытащил хлеб. – Бедненький, на, возьми, поешь!

Мальчишка удивлённо принял хлеб, посмотрел на Авелея и с презрением откинул хлебобулочное изделие в сторону, – дяденька, ты идиот!

После чего, быстро отбежал подальше и недвусмысленно, пальцем повертел у виска.

– Э-эх, Андрей... ну что? Всё ещё думаешь, что они тут бедненькие да голодные? – я улыбнулся, при виде расширенных от удивления глаз диакона.

– Они дети и ещё не осознают, что творят... – оправдываясь, пробормотал Авелей и перекрестился.

– У меня был период в жизни, когда я бомжевал. Вот мне иногда реально было холодно да голодно, а вот те, кто обитал на городских свалках, в любую эпоху жили прекрасно. Сюда попасть не очень-то просто обыкновенным бичам, иерархия, блин.

– Видишь сколько несправедливости в нашем грешном мире! – мы шли по протоптанному в мусоре, тропам. Иногда нам дорогу лениво перебежали жирные крысы. – Ну, долго нам ещё идти?

– Батюшка, а как же терпение? Шучу, ещё немного! – по своей памяти, я точно знал, где находится «берлога» этого засранца Анатолия. Когда ангел воспарился в небо, я видел местность и читал его мысли.

Наконец мы подошли к цели. Из жестяных листов было собрано подобие палатки, у входа внутрь стояла та самая скамейка, на которой лежали – пустая банка кильки в томатном соусе и две пустые бутылки водки.

– Мы пришли... Толян! Выходи!

В палатке зашевелилась куча тряпья, и из этого вороха вылезла встрёпанная опухшая голова.

– Блять! Чё орёшь? Кто там? – голос был простуженным, но чувствовалось, что молодой.

– Толик, мы из Челябинска и пришли за тобой!

Глава 9

– Какого, блять, Челябинска? Кто там ещё такой? – нам навстречу вышел сам Анатолий, собственной персоной. Немного он заплетался после выпитого накануне, одежда провисла от грязи, и запах... даже окружающие ароматы не могли скрыть амбре, исходящее от Толика.

– Вот, Авелей! Знакомьтесь, Анатолий Беспалов! А это... – немного театрально, руками, я показал на священника, – ...диакон Авелей. Меня зовут просто, Сергей!

– Чё вам надо? Вы попы что ли? – прищурился Толик, всматриваясь в нас по мере своего приближения. – Оооо, и точно попы! Ха, отпевать сюда пришли или крестить?

– Инна Васильевна ставит свечи за упокой и здоровье этого... человека... а он тут прохлаждается на курорте... – я проигнорировал выпад Толика в наш адрес. Хотелось подойти к этому «красавцу» и в нос дать, пусть там его ангел-хранитель, любитель манны небесной, как там имя его... Архаим, немного понервничает. Но, я сдержал себя и продолжил: – ...она себе место не находит, куда же девался родной сынишка? Где его брэнное тело лежит и что с ним случилось? Муж умер, единственный сынок пропал, больше никого не осталось... а родная кровинушка в это время водку лакает, жизнью наслаждается, в местную богему, так сказать, вливается...

Краем глаза я следил за Анатолием. Он остановился. По мере моего монолога, по его лицу пробежала целая гамма чувств. Надо сказать, что лицо его было, хоть и обрамлено скудненькой бородкой, но, всё равно оставалось юношеским – ведь ему не было ещё и двадцати лет. Я был всего лишь на пару лет старше его, но чувствовал себя старше на много. Эффект от моих слов был почти достигнут, поэтому, для закрепления, я продолжил:

– Мы тут ищем этого мальчика, пытаемся помочь его матушке и вытащить её с того света, а ему плевать на неё, Авелей... И охота спросить у Бога, а нужно ли знание истины Инне Васильевне? Может нам надо ей сказать, что ваш сынок погиб? – Толик уже сидел на скамье и смотрел в пол, обхватив голову руками, – и смотри, Авелей, сейчас Анатолий скажет нам, что мы не поймём. Что мы ничего не знаем. Что мать сама виновата во всём, гуляла с чужими мужиками, загнала папу в могилу. А я скажу одно этому обиженному малышу – ОН ЗАСРАНЕЦ!!!

Толик уже не сдерживал себя, плечи его тряслись. Диакон хотел подойти к нему и успокоить, но я жестом остановил его.

– Я на собственном примере могу тебе рассказать, как своей обидой можно убить собственную мать. Я могу ещё рассказать, как потом ты будешь рвать на себе волосы от бессилия на могиле её. А что рассказывать – я могу показать могилу, могилу собственной матери! Короче, Анатолий, собирайся, мы едем обратно, в Челябинск, пока твоя матушка жива... дотемна нам надо добраться!

– Как вы узнали, что я здесь? – всхлипнул Толик, – никто не знал, где я, даже друзьям не говорил...

– От Его глаз не скрыться! – я ткнул пальцем в небо, Авелей при этом перекрестился и обречённо вздохнул, слушая мою ересь, но надо отдать ему должное, промолчал.

– Как там... она?

– Она??? – чувствовал, что понапрасну закипаю, но не мог себя сдерживать. – Мать! Она твоя родная матушка, единственная! Ты даже не можешь назвать её мамой...

– Могу! – неожиданно прокричал Анатолий, закрывая свои уши руками. – Мама! Как там моя мама?

– Плохо! – я так же громко прокричал, хотя, на самом деле я рад был, что так

импульсивно отреагировал Толик. Значит, он постоянно думал о своем поступке. – Очень плохо, а как ты сам думаешь? Ужасно, когда мать переживает своё чадо и хоронит его, и ещё ужасней, когда она не знает, что с ним... Только Толик не надо вспоминать об отце и её гулянки...

– Ууу... – ну всё, Анатолий зарыдал навзрыд, допёк я этого «засранца». Могу себе повесить медальку на грудь – миссия выполнена.

– Всё мальчик, хватит! Всё будет хорошо... – теперь меня удивил Авелей. Он, не побрезговав запашков, не выдержал, и присел к Толику. И, приобняв его, стал успокаивать – тот ещё сильнее заплакал. Даже не верилось – этот утешающий дядя, лет десять назад, хладнокровно застрелил женщину, бабушку и четырёх невинных детишек... такая вот фантазмагорическая трансформация человека, блин.

Ох, не люблю я эти сопли «санта-барбаровские», поэтому я повернулся и пошёл на выход из этой городской клоаки, выкрикнув этой парочке, чтоб долго не сидели.

Всю дорогу обратно, в Челябинск, Анатолий сидел с левой стороны заднего сиденья и смотрел в окошко, периодически вытирая своим грязным рукавом, глаза. Перед ним, на водительском месте сидел Андрей и хладнокровно пилотировал нашей «шестёркой», не реагируя на провон... как бы помягче сказать, пропахнувший салон автомобиля. Три часа мы наслаждались дымом магнитогорских кострищ, исходящим толиковским испарением переработки алкогольной продукции и немного к общему запаху, примешивались рыбно-томатные нотки. Стёкла не было возможности открыть из-за прохладной, осенней погоды, а выкуренные мной сигареты, не заглушали эти запахи. Удивительно, а сам Толик не курил... ну прям пример для меня, один раз он даже попросил поменьше курить, видите ли, надо проявлять уважение к другим, некурящим людям... Ааа, каково?

Глава 10

Потом монахи этого мальчишку помыли в бане, обули, одели, накормили, и спать уложили. А я почему-то злился и на монахов, и на Авелея, и особенно на этого Анатолия с его ангелом, будь он неладен. Этот прохиндей с крылышками, которых на самом деле-то и нет, не без моей помощи, умудрился вытащить со дна этого мальчишку. Получается, он выполнил свою работу по отношению к своему подопечному и заодно спас Инну Васильевну.

– Молодец, Серёжа! – ко мне в келью зашёл отец Авелей и присел на скамью. Я лежал и смотрел в потолок – побелка местами пожелтела, а в углу даже чернела зарождающаяся плесень. – Ты сегодня был очень убедителен, у тебя есть талант не только сверхъестественный, но и мирской – сила убеждения!

– Аааа... – я лишь пренебрежительно махнул рукой, – делов то на копейку... просто несправедливо как-то... неправильно, что ли.

– Откуда нам знать, что правильно, а что нет? Пути Господни неисповедимы. Аааа, я понял, почему ты такой злой! – печально улыбнулся Андрей.

– Почему злой? И совсем я не злой...

– Не обманывай меня. Это из-за твоей матушки, я же помню твою историю. Только сразу не сопоставил...

– Ну, уж...

– Ты завидуешь Анатолию, он спасёт завтра свою маму, а ты в своё время – не успел...

– Но ведь серьёзно! Я-то не убегал, как этот засранец... я не сотворил такую гадость,

как он по отношению к любимому человеку! – меня понесло, слишком уж засел сегодняшней день в сердце. – Моя мать знала, где я, она в любой момент могла повидаться со мной! Почему же такая несправедливость?

– Хватит, Серёжа! Не обманывай себя, это его жизнь и Анатолий должен был пройти через свои тёрны, а ты проходишь через свои! Так всегда бывает, кого-то судьбинка бьет, а кого-то нежно гладит. Буддисты сказали бы, что это карма с прошлой жизни. А вообще, ещё не известны последствия наших несчастий и счастливых моментов – время всё расставит по своим местам.

– Ладно, Андрей! Я всё понял... Ты вон, тоже не через медные трубы прошёл...

– Вот именно... это был мой путь в лоно церкви, и, может быть, сама церковь – это только лишь была ступень к нашему знакомству? Кстати, зависть – это один из грехов!

– Такой я вот весь погрязший в грехах, – я горько улыбнулся, не отводя взгляда от потолка.

– Андрей, слушай, а есть в ваших закромах медный купорос и извёстка?

– Что? – с недоумением глянул на меня священнослужитель. – Наверно есть, а зачем тебе?

– Косметический ремонт хочу у себя тут сделать, а то чёрная плесень, говорят, мозги разжижает...

* * * *

Утром, после завтрака, мы находились в той же комнате, что и вчера, когда я общался с матерью Анатолия. Я опять сидел посередине, на стуле, монахи на скамье, а рядом с ними, в неведении, плачущая Инна Васильевна.

Наконец, отец Авелей ввел, держа за руку, Анатолия – чистого, выбритого и в свежей одежде. Кто бы мог подумать, что ещё вчера этот парнишка наслаждался запахами помой и дыма, вкусом спиртового пойла и находился в компании «умных и интеллигентных» людей.

– Мама...привет... – сконфуженно пробормотал Толик, виновато глядя в пол.

– Сынок!!! – это был не крик, а вопль. Инна Васильевна вскочила со скамьи, руками держась за сердце. – Ты живой!?

– Да мама... живой... прости меня... – Анатолий подбежал к Инне Васильевне и обнял её. А потом произошло непредвиденное... женщина обмякла в руках сына. Толик в слезах донёс матушку до скамьи и положил её. Монахи засуетились, поднося воду к женщине, смачивая полотенце и вытирая лоб её, а она, как пьяная, открывала рот, пытаясь что-то несвязанно сказать.

Это был инсульт. Такой вот поворот судьбы... и теперь я совсем не завидовал Анатолию....

Слава богу, Инна Васильевна выжила, но осталась, парализована на левую сторону. Анатолий взвалил на себя уход за мамой, и в течение пары лет ухаживал за ней. А потом она восстановилась и смогла самостоятельно встать на ноги. Надо отдать ему должное, за эти два года, Толик проявил себя любящим и терпеливым сыном... Но это уже другая история...

Часть 3

Глава 1

В свежепобелённой собственными руками келье, я провёл зиму. Кушал я в общей трапезной, с двумя монахами и Авелеем. Иногда Андрей отсутствовал во время столования, тогда я немного расслаблялся и распускал свой язык, подначивая двух соседей по столу. Первое время они нервничали и раздражались от моих шуток, но потом привыкли и иногда даже улыбались. Пётр и Фелоний их звали. Сейчас, по прошествии стольких лет, я и не помню их лица, но их рост, на голову выше моего, запомнил и силушу они имели богатырскую... Вот кому бы продолжение рода иметь, но, увы, под обетом безбрачия были.

Моя борьба с алкогольной зависимостью, вроде, продвигалась успешно. Мысли свои занимал книгами, которые приносил в больших количествах Авелей, руки – рубкой дров, уборкой помещений или борьбой со снегом. Вроде бы не думал о спиртном, пока не видел бутылей. Сыны божьи несколько раз праздновали свои святые праздники и позволяли между постами употребить «красненькую» не стесняясь моего присутствия, в эти моменты я ненавидел их всем сердцем. Но к концу зимования, настал момент, когда я смог спокойно смотреть на бокал с вином.

– Понимаешь Серёжа, если совсем не пить – это очень хорошо, но это не совсем правильно. Тут надо научиться контролировать нашу русскую душу...

– Но ведь восточные народности, я читал, ещё больше подвержены «тяге к огненной воде»? – прервал я очередную лекцию Авелея «блеском» своего ума.

– Поймал, поймал, да уж, немного расизм прозвучал в моих словах... ладно, контролировать любую нашу душу. Когда ты полностью отказался от вина, ты не избавился от главной проблемы. Ты её просто держишь в клетке, до поры до времени, но стоит только оставить клетку незапертой, проблема вырвется наружу. А вот совсем другое дело, когда ты научишься контролировать свою «тягу» и жить в мире со своей проблемой, тогда и вольер у тебя будет открыт...

Вот примерно так проходили у нас беседы, и я вроде понимал мысль Андрея, но всё равно боялся этого зверя. Я слушал Андрея, иногда он меня. Время летело.

Когда Авелей уезжал в церковь по своим обязанностям, я совращал Петра и Фелония, склонял их к азартным играм. Не хватало мне немного драйва, что ли, я научил их играть в дурака на щелбаны. Какое-то время я отбивал свои пальцы об их стальные лбы, но потом монахи набрались опыта, и мне стало не интересно, слишком уж мускулистыми парнями они были. Вот примерно так мы и коротали время, скука полнейшая. Я даже готов был «пережить смерть» какую-нибудь, чтобы разнообразить этот быт.

– Андрей, но что там? Не пора ли нам помочь какой-нибудь заблудшей овечке? – иногда спрашивал я Авелея полушутливым тоном.

– Всему своё время! – лишь отвечал Андрей, в очередной раз, отправляясь на свои служения. Раньше я боялся своих астральных перемещений, но в последнее время меня начинало тянуть снова прикоснуться к этому таинству. Да, иногда мучения предсмертные были ужасные и в физическом и в моральном плане, но вот не хватало мне этого и всё. И я дождался, на свою голову...

* * * *

– На этот раз, Серёжа, всё совсем по-другому... тут нет пропавших или заблудших. На этот раз смерть была стопроцентная и жестокая. – Я сидел перед Авелеем, почёсывая затылок. Мне не понравился сегодняшней подход ко мне Андрея, без предисловий и церемоний. Он просто подошёл и заговорил: – ...ты должен помочь моему другу, он работает

«опером» и у него «висяк».

– Но я не могу... я же тебе гово...

– Я помню, Серёжа, ты не можешь назвать имя убийцы, но послушай меня... В городе 7 смертей с «расчленёнкой» за эту неделю. Это всё дело одного человека... части тела находят в разных местах города и следствие мнётся на одном месте... Я – как служитель Бога, должен быть в смирении с этим фактом, но не получается – моё естество меня разрывает. Серёжа, хоть как-нибудь помоги!..

– Даже не знаю... – я и в самом деле не знал, но чувствовал, что сегодня важный день, и все предварительные события были предисловием к дальнейшему моему предназначению. Выдохнув, я пробормотал важные слова, после которых всё поменялось, – я помогу, Андрей, зови своего друга!

Глава 2

– Это он? – первые слова, которые я услышал, когда вошел в зал.

– Да, Дим! Это он! – на скамье сидел мужчина, предпенсионного возраста и скептически на меня смотрел. Рядом стоял Авелей. – Познакомьтесь, Сергей... а это Дмитрий Иванович.

Я подошёл к сидящему и протянул правую руку. Он соизволил встать и ответить на рукопожатие. Несмотря на возраст, хватка у него была железная, мне немного стало стыдно от своей мягкотелости в ладони.

– Он же мальчик ещё... – вроде пронзительно смотрел на меня, а обращался к Авелею. – Что-то меня терзают смутные сомнения, Андрюха... он нормальный?

– Вполне! – не выдержал я такого пренебрежительного отношения в свой адрес, – может только чуть-чуть нервный... и я не мальчик, мне уже почти 23 года!

– Аааа, ему почти 23 года! – не отвел взгляда Дмитрий Иванович от меня, я заметил усмешку в его глазах. – Ну, тогда это всё меняет... не могу понять, Андрей, что я тут делаю? Как мне может помочь этот... мальчик???

– Димон, я понимаю, что ты скептик... но останься на десять минут и не задавай вопросов, а потом ты сам решай – уходить или нет! Ты принёс, что я тебя просил?

– Блин, Дюха, я пошёл на должностное преступление ради тебя...

– Дим... не надо лишних слов, поверь, это ты сделал ради людей и справедливости... ну? Принёс?

– Да! На! – утвердительно ответил Дмитрий Иванович, протягивая мне, выгащенный из кармана штанов, платок.

Развернув тряпку, я чуть не уронил от неожиданности содержимое. На ткани лежали два золотых зуба.

– Это единственные вещи, которые материальны... всё как ты и просил, – я не мог понять, он чисто из принципа со мной не говорил, или как? Даже сейчас, вручив два куска металла, в мои руки, он продолжал обращаться к Авелею, – так же мы нашли две руки, одну ногу, голову... думаю понятно, откуда эти зубы? Ещё нашли туловище без конечностей и отдельный скальп... от другой головы...

Всё это выговаривая, Дмитрий Иванович не отводил своего безжалостного взгляда от меня. По спине пробежали мурашки после каждого слова, но я понимал, что должен был выдержать и не дрогнуть. Желудок засосало от предчувствия, всё моё нутро кричало: «Брось

это всё! Это же какая-то жесть намечается... тебе ведь предстоит это пережить...»

– ...на пальцах, возможно, были кольца, но убийца предварительно их снял... точнее отрезал вместе с пальцами... – продолжал выговаривать «добрый» опер, чеканя каждое слово, – ...все конечности принадлежат разным людям. Я более скажу, разнополым и разновозрастным... Ни один труп не опознан, отпечатков в базе нет... как бы стыдно не было признавать – но мы мнёмся на одном месте... И чем он может нам помочь?

– Помоги, Серёжа! – посмотрел на меня Авелей и кивнул головой.

Я стяхнул зубы с платка и, зажав их в кулак, прошёл на свой стул, стоящий в середине зала. – Постараюсь...

Минуты три я просидел под насмешливым взглядом Дмитрия Ивановича, всеми фибрами чувствуя его скептицизм. Не выдержав, я отвернулся от «опера» и Андрея, но даже затылком ощущал почти осязаемое недоверие.

– А можно он выйдет ненадолго из помещения? – я тоже решил обращаться к нему через Авелея.

– Серёжа, Дима, вы как дети, ей богу...

– Ладно, ладно, пойду во дворе покурю. – Я услышал, как дверь захлопнулась, Дмитрий Иванович вышел.

– Может этих двух зубов мало будет? Обычно более объёмные вещи я использовал для «переживания»? – я повернулся, обратно к Авелею.

– И рады бы... но нет больше никаких вещей... ты же понимаешь. Убийства очень чёрные, нечеловеческие... ты обязан помочь хоть чем-то ради Добра!

– Ладно, окей... – я сжал золото ещё крепче в кулаке и закрыл глаза. Надо было думать о чём-то отвлечённом. Я стал вспоминать лица всех своих близких, родных и друзей. Как лента воспоминаний передо мной прошли: мама, друзья детства той, благополучной жизни, соседи, однокурсники и наконец, я потерялся...

Глава 3

Я открыл глаза, яркий свет раздирал моё зрение, заставив зажмуриться.

– Блять... что за херня... – прохрипел я, пытаюсь приподняться. Тело моё было привязано, я чувствовал веревки на кистях рук и лодыжек. – Что тут происходит?

– Привет, Чипа! Давно мы не виделись? – услышал я рядом мужской голос. От «Чипы» меня продрало. Так меня не называли лет эдак пять, считай с 95ого... Горячие «девяностые» походу дела меня настигли... Очертания человека стали проступать сквозь свет.

Купить полную версию книги - <https://knigoed.net/url/3pd>